

17
С. 24

„Горе тому, кто поит
господствующаго теченія,
чествѣ миротворца“.

Н. Гротъ.

„Добродѣтель есть путь къ счастью,
порокъ же—путь къ несчастью“.

Ч. Паульсонъ.

О средствахъ НРАВСТВЕННАГО ВОЗРОЖДЕНІЯ.

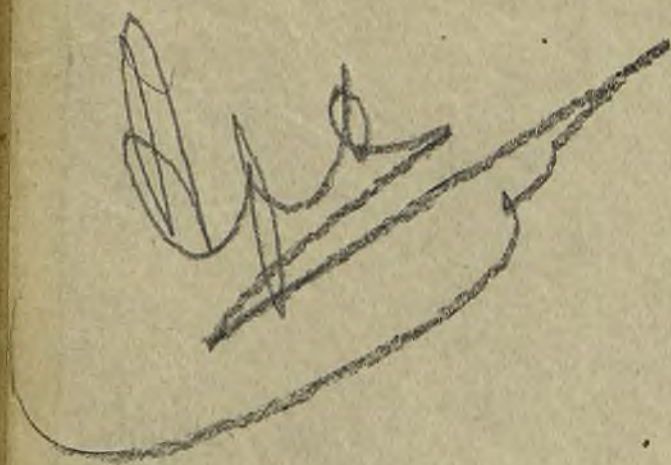
ПО ПОВОДУ ІСХИЛЕЯ

Д. Н. ТОЛСТОГО.

НИКОПОЛЬ.
Типографія М. А. Мазанковой.

Оск.

ms. v. 382. L

X

17
C.27.

V

17
 С. 27

Замѣченныя опечатки.

Стран.	Строна	Напечатано	Должно быть
9	13 св.	небходимо	необходимо
50	12 св.	жнзненный	жизненный
66	2 „	И. Я. Гротъ	Н. И. Гротъ
75	17 „	его	Его
80	9 сн.	иногда	и тогда

НИКОПОЛЬ.
 Типографія М. А. Мазанковой.
 1908.

MEMORANDUM FOR THE RECORD

DATE	TO	FROM	SUBJECT
10/1/54	Mr. Tolson	Mr. Clegg	RE: [illegible]
10/1/54	Mr. Clegg	Mr. Tolson	RE: [illegible]
10/1/54	Mr. Tolson	Mr. Clegg	RE: [illegible]
10/1/54	Mr. Clegg	Mr. Tolson	RE: [illegible]
10/1/54	Mr. Tolson	Mr. Clegg	RE: [illegible]
10/1/54	Mr. Clegg	Mr. Tolson	RE: [illegible]

17
С. 27

О средствахъ
НРАВСТВЕННОГО
ВОЗРОЖДЕНІЯ.

(по поводу юбилея Л. Н. ТОЛСТОГО).

С. Д. Стъверина.

НИКОПОЛЬ.
Типографія М. А. Мазанковой.
1908.

182

1825
JAN 1 1825

CHURCH

1825

„Какая польза чловѣку, если онъ
пріобрѣлъ весь міръ, а душѣ своей
повредилъ?“

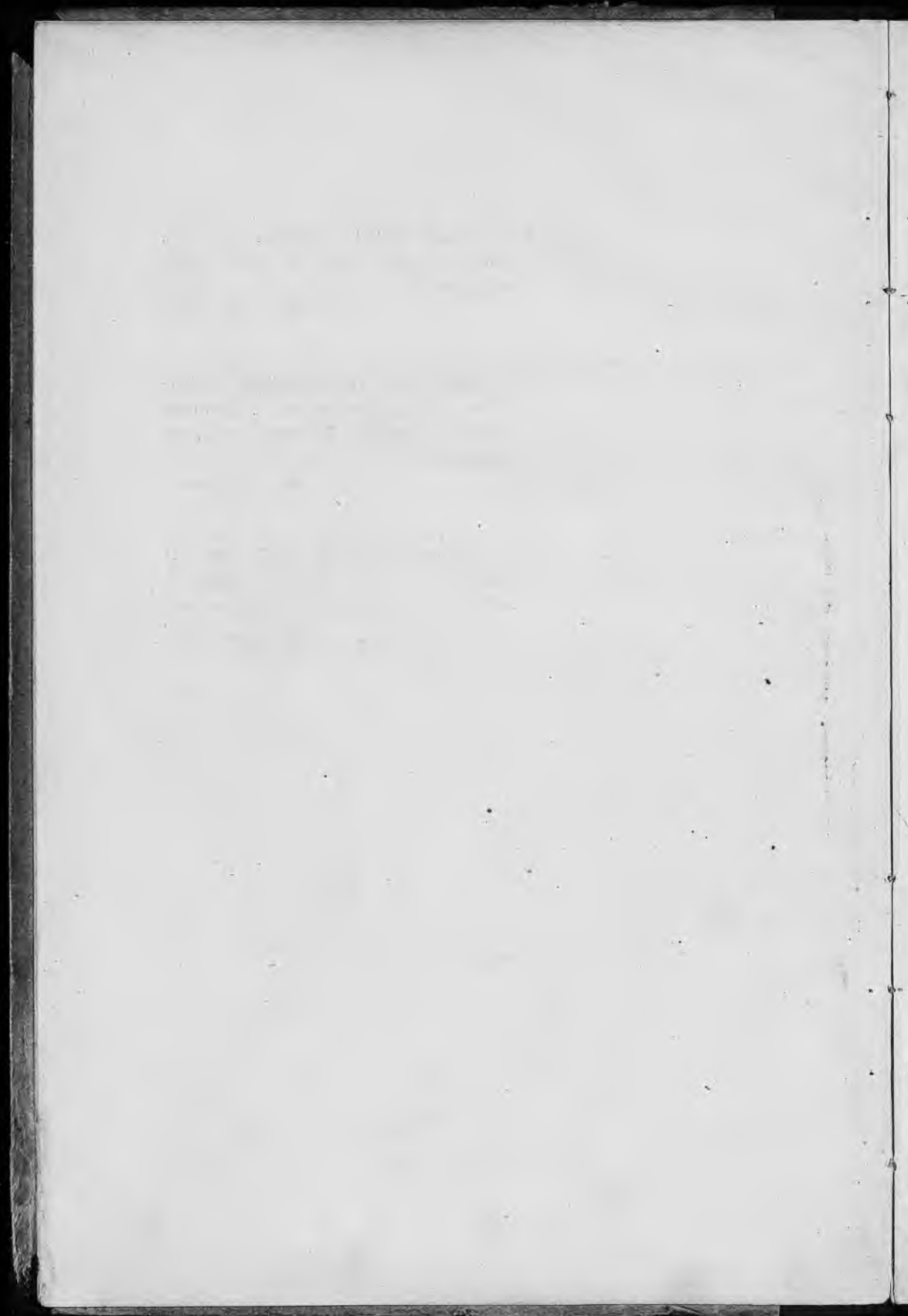
Мѣ. XVI—26.

„Горе міру отъ соблазновъ, ибо на-
добно придти соблазнамъ; но горе тому
чловѣку, черезъ котораго соблазнъ
приходитъ“

Мѣ. XVIII—7.

„Потому сказываю Вамъ, что от-
нимется отъ Васъ Царство Божіе и
дано будетъ народу, приносящему плоды“

Мѣ. XXI—43.

Предисловіе.

Несмотря на то, что Л. Н. Толстой отказался отъ юбилейнаго чествованія, мы всетаки посвящаемъ нашъ трудъ въ память этого желательнаго юбилея. Во первыхъ потому, что юбилей всетаки состоится, хотя и не въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ Россіи и не внѣшнимъ по виду образомъ—путемъ параднаго всенароднаго празднества, но въ разныхъ пунктахъ ея и невидимымъ внутреннимъ образомъ—въ сердцахъ людей, объединенныхъ этимъ дорогимъ именемъ. Во вторыхъ потому, что нашъ трудъ имѣетъ не одно временное преходящее значеніе, такъ какъ высказанныя здѣсь мысли вытекаютъ изъ крайне настоятельной нужды современной жизни, требующей уже давно кореннаго разрѣшенія многихъ наболѣвшихъ ея вопросовъ, о которыхъ здѣсь будетъ рѣчь; посему ясно, что разъ настоящій трудъ не имѣетъ лишь исключительно непосредственнаго отношенія къ самому юбилею, то онъ явился бы въ печати и безъ этого повода. Въ третьихъ, такъ какъ окончательно мысль о чествованіи еще не оставлена и, надо полагать, приметъ лишь болѣе скромную по виду форму, которая выразится просто въ осуществленіи какихъ либо практическихъ мѣръ, то, естественно, данный трудъ, указывающій на одну изъ этихъ мѣръ, будетъ безъ сомнѣнія полезнымъ совѣтомъ. Въ четвертыхъ, такъ какъ Л. Н. Толстой въ данное время уже однимъ своимъ именемъ идейно объединилъ почти всѣхъ истинно интеллигентныхъ людей вокругъ себя и тѣмъ сконцентрировалъ всѣ эти хорошія силы въ одномъ грандіозномъ идейномъ фокусѣ и такъ какъ эти силы, будучи одухотворенными одною великою любовью къ добру, дѣйствительно могутъ проявить чудеса въ нравственномъ возрожденіи народа, то непростительно было бы, если бы не воспользовались этими прекрасными нравственными силами, не указавъ имъ здѣсь еще на самое важное средство нравственнаго возрожденія, дабы онѣ могли бы осуществить то, что самое важное и что составляетъ лишь завѣтную мечту cadaго изъ насъ. И наконецъ, цѣлью этого труда будетъ

напоминаніе читателямъ, что кромѣ Л. Н. Толстого есть еще два великихъ писателя—философа: Вл. С. Соловьевъ и С. Н. Трубецкой, о которыхъ слѣдуетъ вспомнить и почтить ихъ глубокою памятью, приобщивъ ее ко дню рожденія Льва Николаевича и увѣковѣчивъ ихъ имена вмѣстѣ съ именемъ Л. Н. Толстого тѣмъ же, предлагаемымъ здѣсь, созданіемъ Академіи Нравственныхъ Наукъ, включивъ ихъ такимъ образомъ въ число такихъ же духовныхъ виновниковъ ея учрежденія. И благодаря этому Л. Н. Толстой сталъ бы связующимъ звеномъ съ дорогими ему людьми, которые тоже творили святое дѣло. Мало этого, но еще было бы лучше, если бы вообще изъ этого юбилейнаго чествованія создать настоящий національный праздникъ, включивъ въ число виновниковъ этого созданія Академіи и другихъ нравственныхъ борцовъ за божественную правду. Такимъ образомъ получилась бы литературная семья лучшихъ людей, объединенныхъ великимъ именемъ своего патріарха Л. Н. Толстого.

И тогда дѣйствительно мы создали бы истинно юбилейный праздникъ, порадовавъ его тѣмъ, что особенно ему дорого—тою любовью, о которой онъ всегда говорилъ, какъ объ основѣ нравственной жизни, и которая соединила бы его именемъ въ одну великую братскую семью всѣхъ одномыслящихъ съ нимъ людей. Этимъ устранили бы исключительность личнаго чествованія, которая заставила Льва Николаевича отказаться отъ юбилея, но которая этимъ путемъ превратилась бы въ національное идейное торжество.

С. Стверихъ.

29-го Апрѣля 1908 года.

Читателямъ уже извѣстно, что среди самыхъ признательныхъ почитателей Л. Н. Толстого возникла мысль почтить послѣдняго 80-ти лѣтнимъ юбилеемъ, устроивъ ему чествованіе ко дню его рожденія; и, дабы устроить это съ подобающимъ смысломъ, создавшійся для этой цѣли „комитетъ почина“ (*) обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ почитателямъ его, чтобы послѣдніе откликнулись, какъ они говорятъ, на ихъ „кличъ“ и высказали бы свои соображенія по этому поводу.

Понятно, за отвѣтами дѣло не стало, такихъ отвѣтовъ появилось не мало, но изъ обзора послѣднихъ обнаружилось, что большинство изъ нихъ оказалось неудовлетворительными: многіе были слишкомъ односторонними и шаблонными, не идущими далѣе собиранія подписей и предлагаемыхъ привѣтствій, оставаясь такимъ образомъ исключительно въ области теоретическихъ пожеланій, что, понятно, не имѣетъ за собою желательныхъ плодотворныхъ результатовъ.

Предлагаемая же практическія мѣры, могущія увѣковѣчить особое значеніе Льва Николаевича, тоже оказались неудовлетворительными, а посему и не вполне соответствующими самой идеѣ этого почитанія, смыслъ котораго заключается въ глубокой

(*) Нельзя, не выразить глубокой благодарности инициаторамъ этого „почина“ ибо ихъ заслуга въ этомъ велика.

любви къ великимъ людямъ, выносившимъ въ своемъ сердцѣ божественную правду и потому нравственно требующихъ отъ насъ реального воплощенія ихъ идеаловъ въ дѣйствительной жизни; но такое воплощеніе возможно только въ томъ случаѣ, если люди предложать и осуществлять такія практическія средства, которыя бы по своей пышности расцвѣта и плодотворности результатовъ ни на іоту не уступали бы въ такой же пышности теоретическихъ пожеланій и чествованій. Вотъ почему, не смотря на глубокую радость, вызванную задушевностью привѣтствій, посылаемыхъ изъ всѣхъ концовъ европейскаго міра,—не смотря на то, что эти привѣтствія ясно указываютъ, что люди не забыли еще жить высшимъ міромъ нравственныхъ идей и тѣмъ даютъ надежду на спасеніе нравственно погибающаго человечества,—повторяемъ, не смотря на все это, мы положительно противъ одного теоретическаго выраженія этихъ чувствъ. И вотъ, для того, чтобы заполнить нѣкоторый пробѣлъ въ предлагаемыхъ практическихъ средствахъ чествованія, мы указываемъ здѣсь на то единственное и весьма важное практическое средство, которое дѣйствительно одно можетъ увѣковѣчить юбиляра и, самое главное, нравственно возродить жаждующую свѣта народную душу.

Естественно, что даже вполне разумное предложеніе многихъ о широкомъ распространеніи сочиненій Льва Николаевича Толстого среди народа, не можетъ считаться всеисчерпывающей практической мѣрой, ибо большинство, кому особенно это нужно знать, не будетъ читать вовсе. И это будетъ

вполнѣ понятно, ибо, прежде чѣмъ читать сочиненіе Льва Николаевича, или вообще сочиненіе какого либо серьезнаго мыслителя, иначе смотрящаго на жизнь, необходимъ уже извѣстный интересъ и болѣе широкій умственный кругозоръ у читателя, а главнымъ же образомъ нравственное стремленіе къ истинѣ и критическое отношеніе къ дѣйствительности, что въ свою очередь предполагаетъ уже подготовленнаго читателя. Значить недостаетъ того самаго существеннаго, что предшествуетъ самому чтенію—это духовнаго пробужденія и яснаго сознанія самой цѣли этого чтенія.

Изъ этого слѣдуетъ выводъ,—необходимо осуществленіе такого рода практическихъ мѣръ, которыя бы воздѣйствовали въ этомъ направленіи, т. е. пробудили бы это сознаніе въ народѣ. А для пробужденія такого разумнаго сознанія и нравственной потребности, необходимо громадное усиліе культурныхъ силъ, искренно, глубоко, а не поверхностно сочувствующихъ этому великому дѣлу—народнаго сознанія. И если это усиліе будетъ искреннимъ и глубокимъ, то оно непремѣнно проникнетъ въ дѣйствительность и станетъ реальнымъ фактомъ.

И вотъ для того, чтобы это усиліе осуществилось на дѣлѣ, а не ограничивалось одними лишь пожеланіями, какъ это часто бываетъ, необходимы болѣе существенныя, болѣе радикальныя мѣры, которыя были бы постояннымъ нравственнымъ источникомъ, питающимъ народную душу, пробуждая въ народѣ постоянную нравственную потребность къ духовному росту и ясное глубокое сознаніе своего об-

щечеловѣческаго и міроваго долга и нравственной отвѣтственности передъ Высшимъ Началомъ.

Такою практическою мѣрою должно быть созданіе высшаго учрежденія, именуемаго Академіей Нравственныхъ Наукъ. Вотъ такимъ то учрежденіемъ академіи и должно почитать Льва Николаевича Толстого; вотъ что единственно только и могло дать богатые результаты, ибо тогда усилія отдѣльныхъ людей, стремящихся къ правдѣ-истинѣ, дѣйствительно найдутъ свое практическое примѣненіе и тогда они смогутъ сдѣлать то, что велитъ имъ совѣсть,—объединившись и сплотившись въ этомъ учрежденіи, они свободно будутъ руководить нравственнымъ правосознаніемъ народа, влагая въ его душу высшія духовныя начала, и освѣщая свѣтомъ нравственной истины мрачную нашу жизнь,—будутъ разгонять тьму недомыслия, черствости, злобы, безумія и неправды. Но руководствуясь практическимъ правиломъ, гласящимъ, что ранѣе, чѣмъ предпринимать что либо, необходимо выясненіе условий, при которыхъ должно осуществиться это предпріятіе, мы въ свою очередь должны предварительно выяснить наличность условий, при которыхъ намъ тоже необходимо будетъ работать; но кромѣ того необходимо выяснить и цѣль самой работы; а такъ какъ въ данномъ случаѣ нашею цѣлью является нравственное оздоровленіе нашего душевно больного общественнаго организма, то раньше, чѣмъ приступить къ лѣченію его, мы подобно медикамъ должны ознакомиться съ главными симптомами этой болѣзни, чтобы найти коренную ихъ причину, а потомъ уже начать успѣшное лѣченіе.

Правда, этимъ недугомъ страдаемъ не мы одни, а все современное человѣчество, но это тѣмъ болѣе налагаетъ на насъ нравственную обязанность указать всѣмъ на грозящую опасность, а въ особенности нашему больному организму, состояніе здоровья котораго и худой исходъ болѣзни его всегда можетъ пагубно отразиться на каждомъ изъ насъ. А посему предлагаемая мною выше практическая мѣра почитанія Л. Н. Толстого не только вполне пригодна въ данное время, но она вполне также пригодна и для будущихъ должныхъ почитаній многихъ славныхъ идейныхъ незабвенныхъ дѣятелей,—хотя бы и послѣ ихъ смерти. Къ такимъ славнымъ именамъ должно отнести: Вл. Соловьева, С. И. Трубецкаго, И. Михайловскаго, Шелгунова, Успенскаго, Бѣлинскаго и много другихъ славныхъ именъ. Ихъ также надо было бы почитать, включивъ ихъ въ пантеонъ великихъ основателей нравственной философіи и борцовъ за нравственное просвѣтленіе человѣчества, не говоря уже о томъ, что въ память ихъ именъ можно было бы создать философскія библіотеки, высшія школы, кафедры для нравственныхъ проповѣдей, кафедры филиальныхъ отдѣленій для преподаванія философіи въ провинціяхъ, народные университеты и пр. Но самое главное, помимо всего этого значенія академіи,—она является прекрасной и вмѣстѣ съ тѣмъ радикальной мѣрой нравственнаго оздоровленія въ борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ.

Но возвратимся къ Л. Н. Толстому,—вспомнимъ то, о чемъ онъ говорилъ, съ чѣмъ и какъ боролся, и мы найдемъ въ его сочиненіяхъ много дѣльных отвѣтовъ на то, чѣмъ мы больны и съ чего начать наше оздоровленіе.

Если мы оставимъ нѣкоторые затронутые имъ метафизическіе вопросы, оставшіеся тѣми же нерѣшенными проблемами, а обратимъ лишь вниманіе на современную страшную дѣйствительность жизни, на которую онъ неоднократно уже указывалъ, то мы увидимъ, что разномыслія съ Л. И. Толстымъ въ нравственной борьбѣ съ дѣйствительностью быть не можетъ. Ибо эта реальность дѣйствительнаго зла, не требующаго доказательства, — слишкомъ очевидна. Правда, не смотря на эту очевидность, приходится, къ сожалѣнію, неоднократно напоминать о ней себѣ и другимъ. И если Вы вдумаетесь хорошо въ дѣйствительность, о которой говорилъ Л. Н. Толстой, то Вы увидите, что онъ въ своихъ трудахъ литературныхъ только то и дѣлалъ, что напоминалъ объ этой исковерканной дѣйствительности. И его напоминаніе было настоящимъ пробужденіемъ отъ тяжелой кошмарной дѣйствительности, гипнотизирующей насъ своей мишурностью на ложномъ житейскомъ пути, ибо его напоминаніе было направлено на самую сущность зла при такомъ нравственномъ освѣщеніи, при которомъ всѣ причины зла были обнаруживаемы съ явною очевидностью.

Онъ напомнилъ намъ также то великое Евангельское святое ученіе, которое провозглашено почти 2000 лѣтъ тому назадъ и освящено ужаснымъ страданіемъ Іисуса Христа во имя любви Его ко всѣмъ людямъ, но которое мы, мудрствуя лукаво, такъ неразумно съумѣли забыть. Онъ напомнилъ намъ о чистомъ христіанскомъ ученіи, которое съ такою самоотверженностью осуществляли первые христіанскіе мученики, преобразовывая заново ду-

ховный идеальный міръ людей, не прибѣгая ни къ кровавымъ вождельніямъ, ни къ кровавымъ расправамъ мщенія, но осуществляя нравственно духовное царство исключительно при помощи одной беззавѣтной божественной любви ко всѣмъ людямъ. И самая могучая сила такого напоминанія объясняется тѣмъ, что Л. Н. Толстой не оставилъ ни одного уголка жизни не освѣщеннымъ съ христіанской точки зрѣнія и такое освѣщеніе дало поразительные результаты: то, что казалось допустимымъ или должнымъ, то, стало постыднымъ и лживымъ, а то, что было презираемо или пренебрегаемо, стало наоборотъ весьма важнымъ и должнымъ и мы, стоя въ данный моментъ, какъ бы на вершинѣ горнаго перевала, должны избрать тотъ или другой путь—по ту ли сторону его, гдѣ открывается будущая перспектива истинно христіанской жизни, или по другую сторону, гдѣ рисуется и блещетъ соблазнительная мишура языческой культуры.

И вотъ, сама историческая судьба предлагаетъ культурной силѣ, собравшейся около любимаго юбилея, избрать тотъ или другой путь, взявъ за исходный пунктъ наминаемое, но забытое христіанство, или идти по тому же избитому торному пути языческой культуры съ ея доморощеннымъ философствованіемъ, оправдывающимъ и извращающимъ все въ угоду современнаго взбалмошнаго человѣчества, нашедшаго своего истиннаго выразителя въ лицѣ несчастнаго имморалиста—Ницше, возведшаго „сладо-
дострастіе, инстинктъ, власть и гордость“ въ добротѣтели, назвавъ ихъ „хорошими“(*) и объявившаго

(*) см. „Ницше и имморализмъ“. А. Фулье.

войну христіанству, назвавъ ее „религіей рабовъ“, противопоставивъ христіанству „идею аморальнаго сверхъ-человѣка,—антихриста“, со своей „аристократіей господъ“—героями злодѣйства и съ уничтоженіемъ: справедливости, состраданія и Бога (*). И бѣдный, какъ говоритъ А. Фуллье,—„антихристъ умирающаго вѣка вообразилъ себя новымъ Христомъ, превосходящимъ прежняго Христа и, провозглашая эту вѣру въ самого себя,—онъ погрузился въ чудовищную тѣнь поглотившей его темной ночи“. О однако не смотря на эту „темную ночь“ многіе приняли ее за свѣтъ: преклонились передъ несчастнымъ геніемъ имморализма, сдѣлавъ его если не своей религіей, то новымъ откровеніемъ жизни; и громадное множество стало его сознательными и безсознательными послѣдователями, выражая знаменіе времени. И вотъ невольно является вопросъ—каково будетъ наше рѣшеніе и каковъ будетъ избранный путь, и насколько мы дѣйствительно были способны воспринять глубоко ученіе Христа и насколько эти идеи стали сокровенными нашего сердца, чтобы, воплотившись въ жизни, стали живыми плодами глубокой любви къ божественной правдѣ, истинѣ и добру.

Изберемъ же истинный, но забытый путь добра, осуществимъ то, о чемъ только мечталъ Л. Н. Толстой, желая личными своими усиліями измѣнить жизнь всѣхъ. И то, что не удалось ему, то удастся намъ.

Вспомните нашу духовную скудость не только въ весьма важной сферѣ чисто религіозныхъ и фи-

(*) А. Фуллье.

лософскихъ ученій, не только въ области соціально-экономическихъ ученій, но даже и въ области обыкновеннаго обихода жизни; мы настолько здѣсь убоги, что даже установившагося міровоззрѣнія, составляющаго собою то, что обыкновенно называется общественнымъ мнѣніемъ,—нѣтъ. Мало этого, но у насъ нѣтъ даже установившихся стойкихъ обычаевъ, или лучшихъ сторонъ, этихъ безсознательныхъ элементарныхъ выразителей до культурной нравственности, исключая остатковъ худшихъ ихъ сторонъ: суевѣрія, грубыхъ преданій, языческихъ культовъ и нѣкоторыхъ пережитковъ и обломковъ разрушившагося и устарѣвшаго языческаго міровоззрѣнія. Мы, утеравъ старое руководство въ жизни, не нашли еще новаго. Мы стоимъ на перепутьи, въ раздумьи надъ загадочнымъ будущимъ; мы подобны тѣмъ пловцамъ, которые, очутившись среди безбрежнаго моря бушующихъ волнъ, не знаемъ куда плыть, какое взять направленіе и, какъ морскія волны, которыя несутся съ ревомъ и шумомъ нестройными рядами въ невѣдомую даль, всѣ волнуются со своими печальными думами, въ полномъ хаотическомъ смятеніи чувствъ и мыслей, не знаютъ куда принесть ихъ судьба случайностей житейскаго моря.

И не смотря на титаническія усилія нашихъ дорогихъ культурныхъ борцовъ въ области религіозно-нравственныхъ и философскихъ вопросовъ,—въ лицѣ такихъ выдающихся писателей, какъ: Л. Н. Толстой, Вл. Соловьевъ, Е. и С. Трубецкіе, Лопатинъ, Гротъ, Введенскій, Челпановъ и многихъ другихъ, а въ области критики и публицистики въ лицѣ такихъ, какъ: Н. Михайловскій, Шелгуновъ, Ус-

пенскій, Бѣлинскій, Добролюбовъ и т. д.; не говоря уже о славныхъ беллетристахъ и работающихъ въ другихъ сферахъ общественныхъ наукъ, искренно полагающихъ свою душу за народное благо; а сколько у насъ, переведенныхъ съ иностраннаго языка выдающихся трудовъ первоклассныхъ мыслителей прошлаго и сего времени,—(*) а въ концѣ концовъ, тотъ же печальный результатъ—духовная нищета. И такой ужасный результатъ вполне понятенъ, ибо эти гигантскія усилія многихъ культурныхъ подвижниковъ, павшихъ преждевременно на трудномъ нравственномъ посту, незнакомы всей остальной массѣ народа, кромѣ узкаго круга людей, интересующихся литературой, да и то часто безъ должнаго критическаго отношенія и безъ достаточнаго усвоенія, а часто и съ лжетолкованіемъ, что вызываетъ только запутанность и еще большее смятеніе умовъ.

Ясно, что у насъ не хватаетъ той культурной, интеллигентной массы, которая бы, воспринявъ это, съумѣла бы создать извѣстное общественное міровоззрѣніе, которое бы опираясь на извѣстныхъ нравственныхъ истинахъ, добытыхъ съ такимъ гигантскимъ трудомъ, стало бы общественнымъ прогрессивнымъ мнѣніемъ, тѣмъ могучимъ маякомъ, который бы спасалъ каждую волнуемую душу отъ анархіи смятенія и нравственнаго крушенія, среди бушующаго моря:—суеты, неправды, лжи, убійства, ненависти и безумія. И такой маякъ стоитъ уже тысячелѣтія среди безбрежнаго моря волнующихся человѣческихъ головъ; уже давно онъ воздвигнуть

(*) Всякаго рода введеній и исторій философій и отдѣльных трудовъ по психологіи, философій, этикѣ и пр. такихъ мыслителей какъ: Вундтъ, Паульсенъ, Фуллье, Гюйо, Геддингъ, Кантъ, Гартманъ, Вл. Соловьевъ, С. Трубецкой, Лопатинъ и др.

Божественной силой Христа, но мы давно уже забыли освѣщать нимъ свой путь. Давно уже не несемъ туда жертвенныхъ даровъ истиннаго свѣта и огня своей души, дабы вновь этотъ маякъ могъ бы вспыхнуть яркимъ пламенемъ священнаго огня и зажечь людскія сердца благороднымъ и могучимъ порывомъ къ святынѣ великой и беззавѣтной любви.

Но, Боже правый, кто же ищетъ теперь истинный путь? И со страхомъ, окинувъ людское море страданій, невольно хочется сказать, что всѣ,—но, увидѣвши весь ужасъ нравственнаго невѣжества, грубости и тупости, ясно видишь, что люди не ищутъ этотъ путь и давно уже повидимому заблудились и живутъ въ ужасающемъ мракѣ. И страшно, и непонятно становится, и вновь задаешь еще болѣе печальный вопросъ,—почему же люди, видѣвши свѣтъ, захотѣли тьмы?

Но, вдумавшись въ настоящіе и прошлые историческіе поиски пытливой мысли, ясно видишь, что всему виною наше чрезмѣрное самомнѣніе, гордость и праздномысліе, безпринципность и безъидейность и крайній индивидуализмъ, выродившійся въ гордое, непомѣрное себялюбіе—ницшеановскій эгоизмъ „поглотившій въ себѣ весь міръ“. Всему же причиной—утеря основной религіозно-философской идеи, что міръ есть одно нераздѣльное, цѣльное созданіе Бога и что мы дѣти одного Божественнаго Начала—Отца. Мы не повѣрили богооткровенной идеѣ Христа, что всѣ мы братья по духу, и потому не стали помогать и любить другъ друга и совмѣстно стремиться къ одной міровой Волѣ, къ одной всеобъемлющей цѣли—Великому духовному и вѣчному царству Бога любви.

Умъ № 382.

Мы, потерявъ исходную основную міровую идею— духъ міра и раздробившись на идейки своихъ головъ, стали безпринципными и непогрѣшными, и несомнѣвающимися въ своихъ выводахъ, а потому и нетерпимыми къ мнѣнію другихъ. Сомнѣнія же уже быть не могло, ибо основной критеріумъ—устойчивое нравственно-философское міровоззрѣніе и религиозное отношеніе къ міру—былъ утерянъ, а потому и сравнивать было не съ чѣмъ:—никакого міроваго идеала не было, а были свои идеальчики, превратившіеся потомъ въ идолы и идольчики. Естественнo, что людямъ оставалось только сравнивать однѣ свои мысли съ другими,—съ такими же неустойчивыми и колеблющимися, какъ и предшествующія, но якобы болѣе разумными, а такъ какъ тѣ „болѣе разумныя“ мысли вновь измѣнялись подъ вліяніемъ чтеній, общенія съ другими и пр., то приходилось вновь и вновь сравнивать съ еще „болѣе разумными“, вновь пускаясь въ поиски въ тернистый путь за лучшими мыслями, но чѣмъ дольше происходили поиски, тѣмъ болѣе люди запутывались въ дебряхъ своихъ и чужихъ „разумныхъ мыслей“ усугубляя такимъ образомъ этотъ и безъ того топкій путь. И такимъ образомъ вѣчно плетется паутина все новыхъ и новыхъ хитрыхъ измышленій, противорѣчащихъ другъ другу.

Возьмите для примѣра такихъ противорѣчій хотя бы такую безспорную истину, какъ необходимость и важность нравственности. Вѣдь, кажись, какое можетъ быть тутъ сомнѣніе, а однако нашелся же мудрый immoralистъ Ницше, (*) который увидѣлъ „и

(*) и предшественникъ его Штирнеръ.

въ морали истинную причину испорченности и упадка человѣчества, препятствіе прогрессу рода путемъ развитія высшихъ индивидовъ(*).“ Все это противорѣчіе „разумныхъ мыслей“ Ницше другимъ чужимъ „разумнымъ мыслямъ“ не было бы важно, если бы только это противорѣчіе ограничилось бы однимъ Ницше, но вѣдь онъ является только болѣе смѣлымъ выразителемъ той языческой культуры, которая воспитала и выносила,—и да позволятъ мнѣ выразится,—въ своей „утробѣ“ и родила самаго Ницше,—это сверхъ-человѣка современной культуры, а потому А. Фуллье правъ, говоря, что „на практикѣ эта доктрина не приминетъ найти отголосокъ въ страстяхъ, которыя считались дурными, но которыя Ницше объявилъ „хорошими“.(**) А все произошло благодаря отсутствію установившихся нравственныхъ истинъ и въ результатъ получается—не ясный истинный путь жизни, не міръ сокровенныхъ всеобъемлющихъ идей, гармонично связующихъ жизненныя нити въ одно идеальное міровоззрѣніе, объединяющее людей, а міръ безумной погони за своими любимыми самодавлѣющими и непогрѣшимыми „разумными“ мыслями,—міръ, превращающійся въ арену злобной лицемѣрной грызни, нетерпимости, самохвальства, партійности, ненависти и разрозненности. И получается впечатлѣніе какого то литературнаго базара, гдѣ предлагаютъ свои мысли за деньги,—то съ большимъ, то съ меньшимъ успѣхомъ, конкурируя другъ съ другомъ. И каждый изъ насъ, ищущій свѣта и правды, получаетъ часто вмѣсто насущ-

(*) см. кн. А. Фуллье—„Ницше и имморализмъ“..

(**) стр. 5 тамъ-же.

наго духовнаго хлѣба лишь камень себялюбивыхъ мыслей или литературную блестящую шумиху, пригодную лишь для забавы или для красивой лжи, прикрывая нею наготу дѣйствительности, которой люди настолько боятся, не желая къ лучшему измѣнять ее, что уподобляясь часто страусамъ, прятающимъ во время опасности только голову, воображаютъ, что мишурная ложь ихъ мыслей спасетъ ихъ.

Для такого, подтверждающаго наши мысли примѣра возьмите изъ системъ, такъ называемыхъ современныхъ, „разумныхъ мыслей“, соціально-экономическія науки,—особенно послѣднюю, и Вы увидите, что, такъ называемая, политическая экономія совершенно лишена всякой идейной основы, не говоря уже о христіанской. Здѣсь Вы увидите цѣлый сумбуръ праздномысліи и разногласій, но ни одной цѣльной основной системы вѣрнаго представленія, за рѣдкими исключеніями, а если и достигается нѣкоторое согласіе мнѣній, то только въ тѣхъ отдѣлахъ ея, въ которыхъ самая наличная экономическая дѣйствительность возводится въ самостоятельные экономическіе законы, что совершенно противно здравому смыслу, ибо въ дѣйствительности, какъ говоритъ и Владиміръ Соловьевъ(*): „никакой экономической необходимости нѣтъ и быть не можетъ. Самостоятельный и безусловный законъ для человѣка какъ таковаго одинъ—нравственный и необходимость одна—нравственная“.

Если же кому и необходимо противоположное утвержденіе о самодавляющихъ экономическихъ законахъ, то только нашей олигархіи, да революціо-

(*) „Оправданіе Добра“ стр. 440.

нирующему социализму, ожидающему единственного спасения отъ насильственного социально-экономическаго переворота. Первой, чтобы оправдать существующій строй отъ нравственного упрека, приходится ссылаться на необходимые желѣзные экономическіе законы жизни, а по существу необходимые только самой плутократіи, для оправданія эксплоатаціи несчастныхъ людей, къ которымъ всегда въ такихъ случаяхъ относятся въ лучшемъ случаѣ снисходительно, какъ къ низшей расѣ. А другимъ—для того, чтобы оправдать революціонныя насилія, приходится доказывать предварительно ту же самодавляющую экономическую необходимость и силу ея законовъ, которые по существу своему, согласно ихъ утвержденію, являются творческой силой, составляющей основную суть человѣческой жизни, такую суть, отъ которой якобы зависитъ и самый нравственный обликъ, и даже сама душа, и за которую потому можно и *должно* полагать эту самую душу. Изъ этого слишкомъ ясно, что тѣ и другіе полагаютъ дѣйствительно свою душу за матеріальныя условія, считая ихъ единственнымъ и высшимъ благомъ, создавъ изъ нихъ такимъ образомъ идола. Какъ тѣ, такъ и другіе уничтожаютъ свое нравственное достоинство, вытравя свою и чужую душу. Первые вытравливаютъ свою душу тѣмъ, что низводятъ ее на степень купли-продажи и тѣмъ лишаются своего нравственного достоинства, а черезъ то и высшего разумнаго сознанія жизни; чужую душу—тѣмъ, что вызываютъ злобу ненависти и зависти, а чрезмѣрнымъ однотоннымъ до тошноты трудомъ, лишаящимъ ихъ духовнаго досуга для уразумѣнія

смысла своей жизни,—ведутъ къ нравственнму одичанію рабочаго. Вторые же губятъ свою душу тѣмъ, что насилуя или убивая другихъ во имя матеріальныхъ мнимыхъ благъ, уничтожаютъ свой духовный міръ, тоже предпочитая ему „экономическое благосостояніе“ хотя бы и для другихъ, низводя такимъ образомъ душу на степень той же продажи за экономическій досугъ. Этимъ вполне отрицается высшее начало великой любви и добра, ибо высшее начало не можетъ требовать для своего существованія смерти другихъ; чужую душу же они губятъ тѣмъ, что истинное нравственное абсолютное благо совершенства замѣняютъ путемъ внушенія благомъ относительнымъ—„матеріальнымъ благосостояніемъ“, выдавая его за единственное и безусловное, обусловливающее все остальное, даже нравственный міръ человѣка и его социально-юридическія отношенія—это первый ихъ грѣхъ; второй самый страшный и смертный, это—убійство другихъ ради этого относительнаго бога, хотя бы того же большинства, низводя такимъ образомъ человѣка на степень ничтожнаго предмета. Къ такимъ людямъ, вырывающимъ насильно у души ея высшее достояніе, примѣнимо Евангельское изреченіе: „но горе тому человѣку, черезъ котораго соблазнъ приходитъ“, ибо „кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею и потопили его на глубинѣ морской“ (Мѣ.—Глава 18-6-7).

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ предписывается высшее творческое начало не самому человѣку, а его внѣшнимъ экономическимъ услови-

ямъ. И человѣкъ въ данномъ случаѣ является пассивнымъ орудіемъ экономическихъ самодовлѣющихъ законовъ, дѣлаясь въ данномъ случаѣ лишь добавочнымъ украшеніемъ предшествующихъ ему творческихъ экономическихъ законовъ. Такое абсурдное представленіе было бы смѣшнымъ, если бы не было въ же время весьма печальнымъ при возникающемъ сомнѣніи за здравый человѣческій разумъ. Ту же мысль подтверждаетъ и Л. Н. Толстой въ статьѣ „О значеніи русской революціи, стр. 5“;(*) онъ говоритъ: „Въ послѣднее время въ томъ, весьма распространенномъ теперь, страшномъ ученіи, которое называется, соціологіей, утверждается, что отношенія людей въ обществѣ сложились и складываются на основаніи экономическихъ условій. Но такое утвержденіе есть только подстановка вмѣсто очевидной и ясной причины явленія одного изъ его послѣдствій. Причина тѣхъ или иныхъ экономическихъ условій всегда была и не можетъ быть ни въ чемъ иномъ, какъ только въ насиліи однихъ людей надъ другими. Экономическія же условія суть послѣдствія насилія и потому никакъ не могутъ быть причиной отношеній между людьми“. Люди же думаютъ наоборотъ, что экономическія условія являются причиной этихъ отношеній.

Надо полагать, что причиной всему то, что человѣкъ просто нравственно измельчалъ, извѣрился уже въ своихъ нравственныхъ силахъ и сталъ потому вѣрить въ экономическій фетишизмъ, надѣлая его, по старой памяти о своей былой самостоятельности, антропоморфическими качествами человѣчес-

(*) стр. 5.

кой воли. Извѣрился же онъ главнымъ образомъ, во первыхъ, потому, что пересталъ вѣрить не только въ религиозно-нравственный смыслъ жизни, а слѣдовательно, и въ философское опредѣленіе этого смысла, но вообще во всякій смыслъ жизни, отрицая положительно Высшее Міровое Начало, которое дало ему въ руководство разумъ и совѣсть, и волю котораго онъ долженъ исполнять съ любовною сыновною покорностью, руководствуясь любовью къ людямъ. Во вторыхъ, потому, что при современной страшно усложнившейся общественной жизни(*); особенно въ городахъ, при современной безтолочи, безсознательности и погоней за наживой, при безпрерывной конкуренціи другъ съ другомъ за „матеріальныя блага“, ведущей къ искушенію легкой наживы, а также при той лихорадочной дѣятельности, которая отнимаетъ весь нравственный досугъ, необходимый для сосредоточенія духовныхъ силъ, — кромѣ всѣхъ этихъ, какъ говоритъ Вундтъ, „нравственныхъ опасностей“, которыя приносятъ особенно городская жизнь благодаря стеченію безнравственныхъ элементовъ,**) жизнь усложнилась еще, повидимому, всякаго рода лжеученіями, потворствующихъ вульгарному вкусу толпы, которая, не зная на чемъ сосредоточиться, чему вѣрить, начинаетъ вѣрить первому попавшемуся лжеученію случайнаго писателя, усыпляющаго своимъ „любомудріемъ“ его совѣсть. Тѣмъ же людямъ, которые бы захотѣли разобраться въ этой ужасной культурной суматохѣ, необходимо обладать не совсѣмъ обычными силами, которыя бы могли его спасти, давъ ему въ руководство стойкое

(*) по винѣ тѣхъ же людей.

(**) В. Вундтъ—Этика стр. 272, изданіе Р. Б.

опредѣленіе нравственнаго міровоззрѣнія, основаннаго на непоколебимыхъ нравственныхъ истинахъ, не подверженныхъ случайностямъ жизненныхъ перипетій, времени и всякаго рода праздномысліямъ; иначе же безъ достаточныхъ моральныхъ силъ и безъ стойкаго міровоззрѣнія долженъ наступить крахъ, ибо „размѣръ силы, котораго прежде было достаточно для удовлетворенія требованій, теперь, говоритъ В. Вундтъ,—подъ ихъ бременемъ можетъ надломиться,“ (*) но, повторяемъ, онъ надломится потому, что, какъ мы сказали выше, онъ лишился самаго главнаго руководства въ жизни,—сперва религіозно-нравственнаго, превозглашеннаго пророками, потомъ Иисусомъ Христомъ; затѣмъ кромѣ лишенія этого главнаго христіанскаго руководства онъ лишился въ послѣдствіи и нравственно-философскаго руководителя міровыхъ великихъ мудрецовъ, считая ихъ философію за праздномысліе. И современный человѣкъ со своей изолированной индивидуальностью, да еще среди культурнаго базара суматохи разномысліи и книжнаго фарисейства, палъ въ борьбѣ, нравственно обезсилѣвъ; а усомнившись въ своихъ нравственныхъ силахъ, увѣровалъ во всемогущаго экономическаго фетиша—золотаго идола и, „падше“ на колѣни передъ нимъ, преклонилъ главу свою. Таково краткое, но печальное повѣствованіе о современномъ человѣкѣ.

Такъ или иначе, но возвращаясь къ нашимъ современнымъ олигархамъ и современнымъ социаламъ, намъ ясно, что крайности въ конечномъ результатѣ

(*) Этика В. Вундта стр. 273.

сходятся и, какъ говоритъ В. Соловьевъ(*)—„последовательный социализмъ никакъ не есть антитеза, а лишь крайнее выраженіе, последнее заключеніе буржуазной цивилизації. Соціалисты и ихъ видимые противники—представители плутократіи безсознательно подаютъ другъ другу руку въ самомъ существенномъ“. Въ этомъ ясно проглядываетъ сознательное отрицательное отношеніе къ нравственности; особенно это подтверждается существующей теоріей такъ называемаго „экономическаго матеріализма“, который, будучи перенесеннымъ на русскую почву, принявъ доморощенную особенность и Выдѣйствительно здѣсь увидите его безпочвенность, безыдейность и безумную тщету все свалить въ одну кучу механическихъ соотношеній всякаго рода силъ: природы, труда, орудій, спроса, предложенія, цѣнности и т. п. самодовлѣющихъ началъ, творящихъ якобы собою, своими взаимоотношеніями экономическіе законы и наконецъ и самую великомудрую науку—политическую науку, а по существу—дѣйствительность, возведенную въ законы,—управляющую людьми и всякаго рода „соціальнымъ надстройками“. которымъ она является основаніемъ, обуславливая ихъ. Управляетъ же она какъ и должно, по ихъ бытъ,—безъ идеи, безъ чувствъ, безъ радости и любви, а лишь путемъ мертвыхъ законовъ ея, становясь, такимъ образомъ, лишь конгломератомъ матеріальныхъ силъ, среди которыхъ даже трудъ человѣка есть тоже лишь простая сила живой природы.

(*) „Оправданіе Добра“ стр. 445.

Развѣ это есть наука? Это просто бредъ больной мысли; ибо исключить глубокое основное участіе духовно-нравственныхъ идеаловъ въ экономической жизни народовъ, и придавать исключительное, основное значеніе мертвымъ факторамъ экономическихъ продуктовъ труда и природы,—дѣйствительно надо лишиться здравого смысла, или быть съ больной душой, что, пожалуй, одно и то же. И не даромъ Вл. Соловьевъ говорить по этому поводу, что это „есть лишь вымыселъ плохой ребяческой метафизики“ (*).

Въ силу такого исключительнаго матеріалистическаго бредоваго взгляда на жизнь, люди привыкають, или иначе—пріучаются смотрѣть на „матеріальное благосостояніе“ какъ на исключительное благо, ставя его не только выше духовнаго, но даже дѣлая его основаніемъ послѣдняго. Нравственность въ этомъ вопросѣ, само собою разумѣется, отрицается какъ излишніе „сентименты“. Въ доказательство чего я сошлюсь на Вл. Соловьева, который въ своей нравственной философіи („Оправданіе Добра“)(**) говоритъ, что „цѣлая мнимо-научная школа экономическихъ анархистовъ прямо отрицала *всякія этическія начала* и всякую организацію въ области хозяйственныхъ отношеній, и ея господство не мало способствовало возникновенію анархизма революціоннаго. Съ другой стороны *многочисленныя разновидности социализма* не только радикальнаго, но и консервативнаго болѣе обнаруживаютъ присутствіе болѣзни, нежели представляютъ дѣйствительныя средства исцѣленія“.

(*) „Оправданіе Добра“ стр. 440.

(**) „Экономическій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія“ стр. 431 и 432.

„Несостоятельность ортодоксальной политической экономии (либеральной или, точнее, анархической) заключается в томъ, что она отдѣляетъ принципиально область хозяйственную отъ нравственной. А „признавать въ человѣкѣ только дѣятеля экономического—производителя, собственника и потребителя вещественныхъ благъ—есть точка зрѣнія ложная и безнравственная“, а потому уже и болѣзненная; и въ самомъ дѣлѣ,—развѣ это не болѣзнь, когда, какъ говоритъ В. Соловьевъ въ другомъ мѣстѣ,—„соціализмъ хочетъ достигнуть нравственного преобразования или перерожденія исключительно путемъ экономического переворота“(*). Эта болѣзнь воочию подтвердилась послѣ смерти В. Соловьева на нашей доморощенной революціи, выродившейся потомъ въ безумныя партійныя убійства съ правой и лѣвой стороны и въ сплошную экспроприацію. И всѣ эти излюбленные приемы простого разрѣшенія вопросовъ—убійства и экспроприація революціонеровъ и, послѣдовавшихъ за ними, хулигановъ, не есть ли позаимствованіе отъ своихъ антиподовъ, современныхъ олигарховъ, которые тоже экспроприируютъ чужой трудъ путемъ „желѣзныхъ законовъ“ политической экономии; правда, ихъ экспроприація хроническая, но также убійственная по своимъ послѣдствіямъ, но съ нею всегда можно бороться при нравственной организаціи рабочихъ, а не путемъ подражанія насильственнымъ деспотическимъ приемамъ. Ясно, что тѣ и другіе по существу лишены нравственныхъ сознательныхъ идеаловъ, которые бы стали сокровенными ихъ сердець. Повидимому „для та-

(*) „Оправданіе Добра“ стр. 443.

кихъ людей, какъ говоритъ Л. Н. Толстой(*)—нео-
провержимо старое разсужденіе Каафы: лучше по-
гибнуть одному человѣку, чѣмъ всему народу.—
Какъ не убить не только одного человѣка, но сот-
ни, тысячи людей; если мы твердо увѣрены, что смерть
этихъ тысячъ дастъ благо милліонамъ. Люди, не вѣ-
рящіе въ Бога и законъ Его, не могутъ разсуждать
иначе. Такіе люди живутъ, повинуюсь только своимъ
страстямъ, своимъ разсужденіямъ и общественному
внушенію и никогда не думали о своемъ назначеніи
въ жизни, о томъ, въ чемъ истинное благо человѣ-
ка; а если и думали, то рѣшили, что знать этого
нельзя. И эти то люди, не зная ничего о томъ, въ
чемъ благо отдѣльнаго человѣка, воображаютъ, что
знаютъ, несомнѣнно знаютъ, что нужно для блага
всего общества, такъ несомнѣнно знаютъ, что для
достиженія этого блага, какъ они понимаютъ его, со-
вершаютъ дѣла насилія, убійства, казней, которыя
сами признаютъ дурными“. Вотъ тѣ поучительныя
слова нашего дорогого писателя, которые надо бы-
ло бы помнить тѣмъ, которымъ это особенно нужно.

Повидимому историческіе уроки всѣхъ народовъ
и въ частности нашей родины должны бы научить
насъ смотрѣть иными глазами на жизнь и подходить
къ ней съ иными требованіями, предъявляя къ жиз-
ни больше нравственныхъ идеаловъ и не тратя ча-
сто напрасно погубленной жизни, способной на выс-
шіе подвиги и достойной лучшей доли. А все совер-
шается благодаря недомыслию, отсутствію стойкаго
основнаго доминирующаго христіанскаго міровоззрѣ-
нія и, вообще, благодаря полному отсутствію у насъ

(*) „О значеніи русской революціи“ стр. 71-72.

нравственныхъ ученій во всѣхъ школахъ и университетахъ, гдѣ все приспособлено только къ хлѣбнымъ вопросамъ. Естественно, что такое отсутствіе преподаванія нравственныхъ наукъ не можетъ замѣнить трудовъ нашихъ выдающихся тружениковъ по нравственной философіи. И не потому, что они малодоступны, но потому, что, какъ мы сказали въ началѣ статьи, у насъ нѣтъ того самого существеннаго, что предшествуетъ самому чтенію—интереса къ истинѣ,—нѣтъ нравственной потребности. Отсюда понятный выводъ, сочиненій этихъ творцовъ нравственной философіи почти никто не читаетъ и не будетъ читать, за исключеніемъ, понятно, рѣдкихъ случаевъ. Но безъ этихъ знаній мы неминуемо должны прійти къ гибели, ибо жизнь требуетъ нравственной мудрости, безъ нея же она превратится въ животное прозябаніе со всѣми ужасами его недомыслия.

Церковь же въ настоящее время по своему нынѣшнему положенію не можетъ замѣнить этотъ недостатокъ по вполне понятнымъ причинамъ; но при иной постановкѣ церковнаго дѣла, она весьма много бы сдѣлала въ этомъ великомъ дѣлѣ нравственнаго развитія народа. Но вполне идеальнаго вліянія церкви, какъ „высшаго духовнаго авторитета“ можно только тогда ожидать, когда установится вполне „нормальное отношеніе между церковью и государствомъ“. Это отношеніе, говоритъ Соловьевъ,*) „состоитъ въ томъ, что государство признаетъ за вселенскою церковью принадлежащій ей высшій духовный авторитетъ, обозначающій общее направле-

*) Томъ VII, стр. 468.

ніе доброй воли человѣчества и окончательную цѣль ея историческаго дѣйствія, а церковь предоставляет государству всю полноту власти для соглашенія законныхъ мірскихъ интересовъ съ этою высшею волею и для сообразованія политическихъ отношеній и дѣлъ съ требованіями этой окончательной цѣли,—такъ чтобы у церкви не было никакой принудительной власти, а принудительная власть государства не имѣла никакого соприкосновенія съ областью религіи“. Естественно, что такое идеальное отношеніе можетъ наступить не скоро, а результаты такой ненормальности уже давно на лицо: сектанство, безъидейный революціонизмъ и многіе другіе нравственные недочеты явные. А разъ въ народѣ нѣтъ еще въ тоже время и нравственно-философскаго установившагося міровоззрѣнія, то мы, захваченные бурной суматохой современной безсмысленной дѣйствительности, подобны тѣмъ несчастнымъ пловцамъ, которыхъ внезапно захватила въ пути буря среди безбрежнаго моря—бушующихъ волнъ и которые не знаютъ, куда ихъ буря несетъ, со страхомъ ожидаютъ ежеминутно грознаго крушенія. Что все это означаетъ, какъ не тоже нравственное убожество?

Посему не поздно будетъ напомнить, что слѣдуетъ бросить указку праздномыслящихъ людей, одѣвающихъ тогу великомудрія, но фарисейски скрывающихъ настоящую дѣйствительность, а лучше обратиться къ тѣмъ людямъ, которые всю свою жизнь посвятили на поиски нравственныхъ истинъ и которые смогутъ насъ научить тому, что мы разучились понимать, но что есть самое великое въ мірѣ.—

это то, нравственно-духовное благо совершенствованія, облагораживающаго человѣка и опредѣляющаго смыслъ его жизни, на которое было указано Иисусомъ Христомъ въ великомъ Евангельскомъ ученіи, явившемся высшимъ расцвѣтомъ нравственной мудрости человѣчества въ лицѣ своихъ лучшихъ сыновъ—пророковъ и мудрецовъ всѣхъ временъ.

Но посмотримъ еще на не менѣе страшное нравственное убожество, проявляющееся въ нашемъ безконечномъ и поголовномъ пьянствѣ почти всѣхъ. Вообразите себѣ эти грандіозныя разливныя рѣки и ручейки непрерывно льющагося алькогольнаго яда въ жадно и постоянно раскрытые стомилліонные рты, которые съ такой жадностью и поспѣшно глотаютъ эту вонючую, горькую и противную сивуху, что Вы прійдете въ ужасъ. И невольно спросите: да когда же это, наконецъ, кончится безумное одуреніе, этотъ вѣчный пропой народнаго труда, здоровья и здраваго смысла? Когда же кончится эта безумная порча насущнаго хлѣба, исчисляемаго въ сотни милліоновъ чудовъ, могущихъ прокормить цѣлую Болгарію при томъ условіи, если народъ не будетъ сидѣть сложа руки,—ничего не дѣлать.—Когда же, когда?!

Но никто Вамъ не отвѣтитъ, ибо всѣ уже жадно предвкушаютъ, смакуютъ жаждующими ртами эту противную жидкость и имъ не до отвѣтовъ.—И вы невольно опускаете руки.

Правда, есть такіе книжники и фарисеи, которые нашли, что все это зависитъ отъ матеріальнаго убожества народа, ему потому, молъ, нечѣмъ жить и единственная радость его въ забвеніи горькой дѣй-

ствительности подъ вліяніемъ выпитаго спирта. За ними, какъ это водится, безсознательно повторяетъ хоромъ толпа тоже самое, находя въ этомъ даже нѣкотораго рода самодовольство благодаря своему якобы либеральному всепрощающему образу мышленія, не осуждающему, но сочувствующему меньшему брату. Но подлинно ли вы его считаете меньшимъ братомъ? Не потому ли вы такъ въ этомъ всепрощающи, а въ другомъ нѣтъ, что сами-то немного слабоваты и повинны въ этомъ грѣхѣ, и не менѣе часто преклоняетесь древнему богу—Бахусу. И если вашъ меньшій братъ пьетъ горькую отъ горя и нужды, то по какому же случаю и по какой причинѣ пьете вы, старшіе братья, имѣющіе уже „матеріальныя блага“, досугъ и всякаго рода возможность развлеченій, которыхъ у васъ хоть отбавляй. И не потому ли вы также пьете, что слишкомъ ужъ много развлекаетесь?

Я знаю, у книжниковъ отвѣтъ готовъ: виноваты общественныя условія; но кто же создалъ эти общественныя условія, какъ не вы же—книжники—старшіе братья? И зачѣмъ эта старая чисто дѣтская повадка сваливать вину на кого то и на что то, какъ тѣ дѣти, которыя скрываютъ свои шалости отъ родителей, дабы послѣдніе ихъ не ругали, но пора бы быть и самимъ родителями.

Такъ или иначе, но предположеніе, что причины этого пьянства заключаются въ народномъ экономическомъ убожествѣ, или исключительно въ недостаткахъ общественнаго строя, не имѣетъ подъ собой никакого смысла, ибо само экономическое убожество и самый общественный строй есть прямое слѣд-

ствіе нравственнаго убожества, а послѣднее есть въ свою очередь результатъ нарушенія нравственныхъ законовъ, выражающагося въ безбожномъ отношеніи другъ къ другу и къ дарамъ природы.

Тѣмъ же, которые защищаютъ пьянство, какъ средство развлеченія, я бы посовѣтовалъ вспомнить или, если не видѣли,—посмотрѣть самимъ на реальную картину самаго пьянства и его послѣдствій. И они увидятъ всѣ, совершаемыя въ пьяномъ видѣ, ужасы—убійства, изувѣрства и безуміе озвѣрѣлыхъ дракъ со всѣми послѣдствіями ихъ—съ переломами череповъ, реберъ, рукъ и ногъ, съ разорванными тѣлами, съ распоротыми животами и съ осквѣрненіемъ женщинъ, и со всѣми мерзкими истинно-рускими ругательствами, со всею низостью, со всею грязью и безстыдствомъ, вы ясно почувствуете весь ужасъ нашего нравственнаго паденія, нашихъ низовъ, нашей феноменальной, кромѣшной и непроглядной тьмы, изувѣрства и невѣжества.

А такъ какъ этотъ всеобщій порокъ лежитъ тяжелымъ бременемъ на интеллигенціи, несущей всякую отвѣтственность за свой народъ, то мы особенно напоминаемъ обратить весьма серьезное вниманіе на это бѣдствіе; тѣмъ болѣе, что мы не имѣемъ права выдѣлять себя изъ среды народа, хотя нѣкоторые по недоразумѣнію думаютъ обратное, ибо мы вмѣстѣ съ народомъ спаяны кровными узами и духовною общностью. Всякое же выдѣленіе себя изъ среды народа ведетъ только къ оправданію своей бездѣятельности и непричастности къ этому пороку, но это не вѣрно, ибо мы также всѣ повинны въ немъ,

пожалуй, даже больше, чѣмъ рабочій людъ, не имѣющій даже досуга думать объ этихъ вопросахъ, вполне довѣряясь и подражая его вождямъ. Но вожди то,—дѣйствительно ли являются достойными вождями? Дѣйствительно ли они глубоко продумали и проболѣли нравственно раньше, чѣмъ взяться за руководство? И, надо полагать, каждый искренній человекъ долженъ сознать свое общее русское невѣжество, а не кобенится и не кричать о непричастности къ нему, ибо нравственное величiе не крикливо, не хвастливо, но покойное и смиренное.

Но есть еще одинъ порокъ, указывающій на наше нравственное убожество, на этотъ то порокъ я и хочу обратить особенное вниманiе, такъ какъ онъ не такъ видимъ и легко скрывается подъ личиной ехидства, лжи и легко достигаемаго самооправданiя—это озлобленiе на того, кто указываетъ имъ на нравственныя язвы, которыми мы болѣемъ. Но это озлобленiе часто такъ искусно скрывается подъ невидимыми покрывами изворотливой и хитро построенной мысли, что его не легко открыть, но на самомъ дѣлѣ оно имѣетъ часто скрытое ядовитое змѣиное жало на своего брата—человѣка. Но какъ тамъ не оправдывайся, озлобленiе останется все таки фактомъ дурнымъ, тѣмъ болѣе, что это озлобленiе направлено по существу не противъ тѣхъ, которые указывали на пороки, а противъ своего собственного нравственного сознанiя своей грѣховности, противъ Божественнаго Начала души, противъ того Высшаго Начала, которое составляетъ собою его чело-вѣческое достоинство и опредѣляетъ смыслъ его жизни и которое, сохраняя его нравственный обликъ,

проявляется черезъ разумъ, совѣсть и благородную любовь къ людямъ и святой истинѣ Великаго Новаго Завета Иисуса Христа. Вотъ противъ кого онъ возстаетъ въ своей ненависти, ибо и всякій говорящій о нашихъ грѣховныхъ язвахъ въ свою очередь повинуется этому началу, ибо видѣтъ свое и чужое нравственное убожество можетъ только то, что стоитъ выше этого убожества и выше самаго человѣка, это то, что называется голосомъ Божьимъ. Этому то Высшему Началу и повинуется вѣрующій въ нравственный міропорядокъ, но повинуется добровольно и вопреки самой опасности за свою жизнь. И дѣйствительно, вспомните исторію великихъ людей, исторію первыхъ христіанъ и пророковъ и, наконецъ, самое бессмысленное кощунство—распятіе Иисуса Христа и вы увидите нескончаемый рядъ жертвъ, пострадавшихъ за правду.

Отрѣштесь вы на время отъ своей старой привычки смотрѣть на все безразличными глазами. Вдумайтесь въ этотъ ужасный смыслъ послѣднихъ словъ: пострадавшихъ за правду! Вѣдь въ нихъ таится цѣлый ужасъ насильственного изувѣрскаго убійства, ужасъ лжи, ненависти и низости, ужасъ наглаго издѣвательства звѣря-человѣка—убить за правду! Что все это, какъ не одинъ сплошной ужасъ,—не только за смыслъ человѣческой жизни, но и за смыслъ всего міра? Вдумайтесь-ка хорошенько въ такой, для примѣра взятый, фактъ: они хватаютъ за горло человѣка—душатъ, рвутъ и бьютъ камнями только за то, что тотъ сказалъ правду! Не ниже ли это животнаго звѣрства?! О, если бы только ниже низости звѣря, не знающаго верховъ! Но ни-

зость человѣка—звѣря ниже всѣхъ низовъ и нѣтъ ей еще названья, ибо это есть ужасъ полного паденія въ кромѣшную черную бездну сплошнаго безумія! Этотъ ужасъ людскаго безумія, леденящій мое сердце, тревожно задающій вопросъ за будущее человечества, невольно превращается въ неотразимое желаніе встряхнуть загипнотизированнаго мишурною жизнью читателя и указать на страшную бездну, развернувшуюся передъ нимъ. И невыразимо хочется крикнуть во всю мочь:

Встрепенись же душа моего дорогаго читателя, воспрянь отъ страшнаго кошмарнаго сна, содрогнись отъ ужасовъ преступной толпы, сбрось оковы рабскихъ грѣховныхъ цѣпей! Очнись и прогони, какъ черную ночь, грѣховные сны ужасной дѣйствительности! Скорѣе отъ кошмара освободись!—Не будь ужъ больше рабыней,—чернѣе низовъ,—какъ прихоть звѣрей. Но воскресни къ жизни новой и чистымъ ангеломъ хранителемъ ты явись:

Возьми ты вѣтку примиренья и любви

И къ людямъ, изнывающимъ подъ бременемъ грѣховъ, ты иди.

Яркимъ свѣтомъ своей чистой души

Мрачное царство людей освѣти

И скорѣе ихъ отъ грѣха разбуди:

Пусть правда Божія засіяетъ,

Отражая Божій Ликъ Христа,

И пусть всѣ люди ницъ падутъ

Предъ Его Лицомъ въ сознаніи своего грѣха!

Отъ всей глубины души мы желаемъ помочь читателю—нашему брату по душѣ бросить обыч-

ную точку зрѣнія на жизнь, дабы посмотрѣть на нее съ иной, съ болѣе высшей точки зрѣнія нравственнаго идеала, ибо, какъ говоритъ Е. Трубецкой(*), „кто смотритъ на жизнь съ этой высоты, тотъ не можетъ не поражаться ея чудовищными уклоненіями отъ вѣчной ея цѣли“.

Къ такимъ ненормальнымъ уклоненіямъ „отъ вѣчной ея цѣли“ относится и наше невѣжественное, а часто даже и преступное отношеніе къ женщинамъ, выразившееся въ явной и тайной проституціи, въ этомъ клеймѣ и позорѣ нашей культурной сифилизации. Нужно ли напоминать о томъ растлѣвающемъ вліяніи, которое оказываетъ мужчина на женщину, лебезя и ухаживая за ней, подгоняемый дурнымъ животнымъ инстинктомъ, стараясь растлѣть ее своими пошлыми отношеніями, словами, а потомъ и страшною дѣйствительностью, ведущею ее къ гибели, измѣнамъ, соблазнамъ, хитростямъ и другимъ мрачнымъ послѣдствіямъ этого растлѣнія, не исключая и самаго зараженія сифилисомъ, этого страшнаго современнаго бича, ведущаго къ физическому и духовно-нравственному вырожденію.

Нужно ли напоминать о томъ распутствѣ, которое проникаетъ во всѣ закоулки нашей убогой деревни, и которое санкціонируется культурными классами не только словомъ извращающей все порнографіи—декаденса, но и дѣломъ,—не только самымъ фактомъ своей жизни, но и художественными изображеніями оголенныхъ тѣлъ, дразнящихъ низкіе инстинкты толпы.

(*) „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 91 („соціальная утопія Платона“) стр. 14.

Нужно ли напоминать о той безумной роскоши, которой обставляетъ себя праздная, испорченная нами же, женщина, руководимая не высокаго достоинства инстинктомъ, рассчитаннымъ безошибочно на взаимные, нескромные и также не высокія чувства своихъ поклонниковъ?

Нужно ли напоминать о тѣхъ ненужныхъ предметахъ роскоши, которые связаны съ этимъ вопросомъ, и обработкой которыхъ заняты многіе миллионы рабочихъ и изъ за которыхъ желающіе ими обладать часто губятъ свое здоровье и жизнь, дабы имѣть побольше этихъ ненужныхъ вещей. А сколько изъ за нихъ лести, лжи, продажности и разной пакости, съ этимъ добываніемъ ихъ. А сколько роскошныхъ самыхъ лучшихъ домовъ занято этими ненужными мертвыми вещами въ то самое время, когда бѣднякъ дрожитъ отъ холода и голода, не имѣя пріюта, гдѣ бы усталую главу преклонить. А сколько вводится нравственнаго растлѣнія этою, дразнящей и вызывающей зависть, роскошью, которая гонитъ въ темную ночь не менѣе темнаго человѣка на добычу за ненужной наживой и ненужными вещами.

Нужно ли напоминать, что вся почти наша поэтическая красота такъ называемаго изящества, въ силу той же растлѣвающей причины, недалеко ушла отъ пикантныхъ будуаровъ, кабинетовъ, роскошныхъ юбокъ, модныхъ причесокъ, шляпокъ и всякаго рода изящнаго тряпья, „изящныхъ вещей“ и вещей и всякаго рода предметовъ, начиная съ роскошныхъ ненужныхъ домовъ, „обстановочекъ“, и кончая ѣдой, обставленной всегда съ подобающей

персонѣ честию. Что все это, какъ не нравственный сонъ сусальнаго царства людей, потерявшихъ всякій смыслъ жизни. Правда, не нужно бы было обращать вниманія на эту одурь праздныхъ людей, если бы эта одурь не отравляла бы другихъ, заражая ихъ тѣми же сусальными вождѣленіями роскоши и создавая тѣмъ современное культурное свободное рабство, еще болѣе страшное, чѣмъ древнее, ибо у нихъ если не отняли еще Бога, то скоро отнимутъ и будущее будетъ чревато ужасными послѣдствіями.

Считаю также не лишнимъ обратить вниманіе на нашъ звѣриный способъ питанія со всей его обстановкой: грубостью, жестокостью и безсердечностью, заканчивающейся убійствомъ и пожираніемъ убитаго тѣла. Правда, мы съумѣли себя лицемерно оградить отъ грубой и жестокой работы растлѣвающей души мясниковъ, но отъ этого фактъ остается не болѣе привлекательнымъ. Когда вы сами увидите всѣ жестокости и звѣрства, предшествующія убійству и самый актъ убійства, то вы невольно содрогнетесь отъ мучительнаго страха и жалости за жизнь несчастныхъ животныхъ, а также и за душевный міръ человѣка, явно погибающаго и постепенно погружающагося въ тину сплошной жестокости и страшнаго хладнокровія, не менѣе страшнаго, чѣмъ само убійство, ибо въ немъ уже чувствуется смерть души. И невольно отъ всего этого вы приходите въ смущеніе, но вы не менѣе будете смущены, когда увидите, что сытые, никогда не знающіе нужды, люди это самое поѣданіе возводятъ въ какой то торжественный культъ, — не менѣе торжествен-

ный, чѣмъ древній культъ боговъ, и которому посвящена даже и своя особая священная кухонная литература съ ея жрецами—поварами и другими прислужниками. Но посмотрите съ какою страстью все это поѣданіе совершается; особенно это замѣтно въ первоклассныхъ буфетахъ желѣзныхъ дорогъ, когда люди, проголодавшись, съ жадностью набрасываются на куски этихъ тѣлъ животного, смакуя и смачно причмокивая, жадно глотаютъ эти куски,

Я знаю, что многіе, прочитавъ, снисходительно только пожмутъ плечами или отнесутся съ подобающимъ въ такихъ случаяхъ презрѣніемъ къ слишкомъ прѣснымъ напоминаніямъ; но я знаю, что найдутся и воспріимчивые, не исковерканные ложью самооправданія, и воспріимутъ своимъ сердцемъ добрую мысль.

Можно было бы еще не мало напомнить о иныхъ печальныхъ фактахъ нашей жизни, но и этихъ приведенныхъ фактовъ нашего нравственного убожества вполне достаточно, чтобы, не закрывая глазъ, видѣть весь этотъ ужасъ невѣжества и нравственного оскудѣнія, о которомъ тысячу кратъ напоминалъ Л. Н. Толстой.

Теперь намъ необходимо найти способъ избавленія отъ этого страшнаго зла. Этимъ мы рѣшеніемъ подходимъ ко второму главному пункту нашей статьи—къ христіанской дѣятельности, обязывающей насъ исцѣлять сперва самихъ себя, а потомъ освобождать отъ нравственнаго грѣхопаденія другихъ. А такъ какъ эта дѣятельность духовнаго исцѣленія составляетъ всю суть нравственныхъ поученій Л. Н., то мы и должны избрать такую же

практическую дѣятельность средствомъ его чествованія, дабы претворить его нравственные идеалы въ реальныхъ фактахъ жизни и въ самихъ сердцахъ людей.

Къ такимъ основнымъ и капитальнымъ способамъ нравственнаго лѣченія относится активная христіанская дѣятельность, направленная на распространеніе Евангельскаго ученія и философскаго образованія подѣ руководствомъ будущей Академіи Нравственныхъ Наукъ. Она до нѣкоторой степени играла бы ту же роль, какъ благодѣтельный Пастеровскій институтъ въ лицѣ своихъ врачей, излѣчивающій укушенныхъ бѣшенными животными, а въ данномъ случаѣ—Академія Нравственныхъ Наукъ въ лицѣ своихъ выдающихся дѣятелей излѣчивала бы людей отъ безнравственнаго безумія, не менѣе страшнаго и разрушительнаго, чѣмъ само бѣшенство. И Академія стала бы главнымъ нравственно-философскимъ пунктомъ, откуда бы черпали, какъ изъ богатаго источника, истинное знаніе остальные люди, жаждущіе истиннаго свѣта; эта Академія должна создать точно опредѣленное нравственно-философское міровоззрѣніе, основанное на точно установившихся истинахъ, добытыхъ мудростью великихъ людей всѣхъ вѣковъ. Это міровоззрѣніе должно имѣть своей главной основой Богооткровенное Евангельское ученіе Іисуса Христа, съ которымъ бы оно было нераздѣльно связано въ этой основѣ. Слѣдовательно, основною задачею Академіи Нравственныхъ Наукъ должно быть выясненіе и познаніе самаго смысла жизни, безъ выясненія котораго жизнь никакой цѣли не имѣетъ. Это, естественно, потребуетъ непрерывнаго труда, такъ какъ не смотря на то, что основ-

ныя истины міроваго смысла, а въ частности чело-
вѣческой жизни, уже выяснены лучшими, или, какъ
говорить Е. Трубецкой—„Божьими людьми—фи-
лософами“ и Евангельскимъ ученіемъ,—мы должны
взять на себя не менѣе тяжелый трудъ распростра-
ненія и утвержденія этихъ истинъ въ сердцахъ лю-
дей. Это проведеніе въ жизнь истинъ не легко, ибо
каждый, взявшій на себя миссію распространенія
этихъ святыхъ истинъ, долженъ ожидать часто враж-
ды и ненависти толпы, проявляющейся то въ фор-
мѣ клеветы, злобы и угрозъ, то въ формѣ изворот-
ливыхъ ехидныхъ нападокъ во имя якобы лучшаго
познанія истины. Но смущаться этимъ не слѣдуетъ,
ибо и свѣтлому, могучему нашему солнцу не всегда
легко удастся разогнать утренніе туманы, застилав-
шіе отъ людей его живительные лучи, но тьма и
туманы подъ вліяніемъ теплыхъ лучей добраго свѣ-
тила исчезаютъ—расходятся и свѣтъ солнца всту-
паетъ въ свои истинныя права. Такъ точно и лю-
дямъ, взявшимся за доброе нравственно-философское
просвѣщеніе людей, удастся разогнать утреннюю
тьму нравственныхъ невзгодъ, тьму невѣжества, зло-
бы и звѣрства, и настанетъ свѣтлый, благодатный,
сіяющій день истинной жизни.

И этотъ сіяющій, ликующій Божественной прав-
дой, день есть ясное уразумѣніе смысла нашей жиз-
ни. И тогда только наступитъ этотъ день, когда бу-
детъ ясенъ смыслъ нашей жизни. „Этотъ смыслъ,
какъ говоритъ Е. Трубецкой, (*)—заключается въ осу-
ществленіи божескаго начала въ человѣкѣ, въ
достиженіи человѣкомъ той прекрасной, благой, не-

(*) „Вопросы философіи и психологіи“ 1908 г. 91. „соціальная
утопія Платона“ стр. 3.

тлѣнной формы существованія, надъ которой не властны смерть и время. Безсмертіе, какъ увѣковѣченіе человѣка въ Богѣ—вотъ та конечная цѣль и великая надежда, ради которой надлежитъ дѣлать все то, что мы дѣлаемъ. Такое возможное и должное безсмертіе подтверждаются Иисусомъ Христомъ, но будемъ говорить словами Л. Н. Толстого: (*) „Христосъ говорилъ, что Онъ будетъ жить послѣ исчезновенія призрака жизни. Онъ говорилъ это потому, что Онъ уже тогда, во время своего плотскаго существованія, вступилъ въ ту истинную жизнь, которая не можетъ прекращаться, Онъ уже жилъ во время Своего плотскаго существованія въ лучахъ свѣта отъ того другого центра жизни, къ которому Онъ шелъ, и видѣлъ при своей жизни, какъ лучи этого свѣта освѣщали людей вокругъ Него. Тоже видитъ и каждый человѣкъ, отрешившись отъ личности и живущій разумной, любовной жизнью“. Естественно, какъ говоритъ Толстой: „вѣру въ безсмертіе нельзя принять отъ когонибудь, нельзя убѣдить себя въ безсмертіи. Чтобы была вѣра въ безсмертіе, надо, чтобы оно было, а чтобы оно было, надо понимать свою жизнь въ томъ, въ чемъ она безсмертна“.

Безсмертіе же жизни заключается главнымъ образомъ въ осуществленіи царства Божія внутри насъ, а черезъ то въ человечествѣ и во вселенной. А такъ какъ осуществленіе царства Божія есть безсмертная цѣль міра, то мы, участвуя въ осуществленіи этой цѣли царства Божія, тѣмъ невольно причастны къ этому безсмертію.

(*) „О жизни“ стр. 143.

Весь смысл міровой жизни во всей его полнотѣ былъ открытъ Иисусомъ Христомъ, добровольно воспрывшимъ на себя идеальную задачу реального воплощенія ея въ сердцахъ людей.

И Онъ всею своею чудно прекрасною жизнью доказалъ, что есть „то вѣчно Сущее“, которое является изъ себя „неизъсякаемый источникъ нетлѣнной неумирающей жизни, что человѣкъ можетъ дѣйствительно съ нимъ соединиться и увѣковѣчить себя въ немъ“ (*). Тоже самое говоритъ и В. Вундтъ: „Для этого пониманія Иисусъ Христосъ сохранилъ двоякое значеніе, состоящее въ томъ, что наиболѣе совершенной нравственности и, благодаря этому свойству, признается *первѣйшимъ свидѣтелемъ основы и цѣли міра*, которая безконечна, но непремѣнно должна мыслиться адекватной нравственному идеалу“. „Въ идеѣ безсмертія заключается убѣжденіе въ неуничтожаемости духа въ томъ смыслѣ, что какъ духъ самъ можетъ мыслиться лишь какъ непрестанное становленіе и творчество, поэтому *и всякая духовная сила сохраняетъ свою непроходящую цѣнность* въ процессѣ становленія духа. При этомъ предположеніи и всѣ составныя части духовнаго развитія какъ индивидуальная личная жизнь, такъ и историческія формы развитія коллективнаго духа, должны быть *причастными этой непреходящей цѣли*“ (**).

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Идея разума вызываетъ убѣжденіе, что космическій механизмъ есть лишь внѣшній покровъ, подъ которымъ скрывается духовная дѣятельность и творчество, стремленіе, чув-

(*) „Вопросы философіи и психологій“ кн. 91 Е. Трубецкой, „соціальная утопія Платона“ стр. 14.

(**) „Системы философіи“ стр. 417.

Курсивъ принадлежит намъ.

ствование и ощущение, похожее на то, что мы переживаемъ въ самихъ себѣ (*). Изъ этого, я думаю, ясно, что то нравственное духовное величіе, которое проявляютъ собою великіе подвижники и великіе мученики за божественную правду, есть не только отображеніе духовнаго міра, заложеннаго въ космосъ, но и подлинное его обнаруженіе черезъ непосредственное волеобщеніе этихъ праведниковъ съ нимъ. И потому, говоритъ далѣе В. Вундтъ, — „въ этомъ смыслѣ человѣческій духъ есть истинный „микрокосмъ“, малый міръ, въ своемъ собственномъ внутреннемъ развитіи отражающій развитіе мірового цѣлага“. Такимъ образомъ, каждый изъ насъ, если бы только истинно исполнялъ высшее велѣніе Бога, открывающееся ему черезъ нравственное чувство, а слѣдовательно, — черезъ волеобщеніе съ нимъ, — непременно участвовалъ бы въ міровомъ творествѣ, какъ одинъ изъ многихъ, а черезъ то и участвовалъ бы въ безсмертіи. Мало этого, но мы можемъ смѣло сказать, что такими доказательствами даннаго міровоззрѣнія наполненъ весь міръ; но чтобы не быть голословными, мы еще сошлемся ниже на того же Вундта. Мы же основываемъ свою мысль на томъ вполне естественномъ предположеніи, что весь міръ наполненъ безконечными по своей градаціи совершенства элементарными и высшими волевыми единицами, находящимися между собою въ постоянномъ волеобщеніи. Такимъ образомъ съ этой точки зрѣнія весь міръ одухотворенъ (**). Понятно, что между

(*) „Система философіи“ стр. 264.

(**) Паульсенъ допускаетъ тоже всеобщее воодушевленіе, такъ онъ говоритъ: („Введеніе въ философію“ стр. 110—111) — „растеніе есть живое существо, слѣдовательно — психо-физическое система; клѣтка есть въ извѣстномъ смыслѣ самостоятельное существо, слѣдовательно, по

этими духовными элементарными волевыми единицами воля человека занимает высшее, вполне самостоятельное значеніе, исполняя свои предназначенныя ей духовныя функціи, кромѣ тѣхъ, которыя она совершаетъ въ фізіологической жизни человека, приспособляя органическій его субстратъ для своихъ цѣлей. Къ чисто духовнымъ функціямъ нашей душевой воли относится главнымъ образомъ проявленіе нравственнаго чувства.

Мы, основываясь на доводахъ Паульсена, Вундта и Фаминцына и др. можемъ сказать, что отдѣльныя элементарныя клѣточные волевые единицы нашего организма необыкновенно согласованно совместно работаютъ, будучи объединенными высшею волею его. Они, такъ-сказать, какъ бы знаютъ мысль высшей индивидуальной воли, являясь такимъ образомъ участницами общаго строительнаго плана на правахъ добровольнаго сотрудничества, исполняя, какъ говоритъ Вундтъ „преднаменованную“ имъ роль ради общаго благополучія всего организма, а слѣдовательно и благополучія всѣхъ, участвующихъ въ этомъ сотрудничествѣ, воли. Далѣе В. Вундтъ говоритъ: (*)—„такъ, не будь эта единная воля единнаго тѣла заложена въ элементарной волѣ, которую надлежитъ предполагать въ элементарномъ

(*) „Система философіи“ стр. 335.

отношенію къ ней будетъ имѣть силу тоже самое; молекула есть относительно замкнутая въ себя система тѣлесныхъ явленій и т. д. Мало этого, но онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ:—„Кто, напротивъ того, живетъ въ самой дѣйствительности, тому, если, онъ хоть немножко обладаетъ фантазіей, не покажется черезчуръ ужъ страннымъ представить себѣ землю какъ громадное оживленное существо“ (111 стр.) „Фехнеръ живетъ въ этой мысли. Все въ новыхъ и новыхъ оборотахъ вызываетъ онъ своихъ современниковъ возстать наконецъ отъ сна и посмотреть на вещи ными глазами: развѣ не живетъ земля дѣйствительно совокупно общею жизнью?“ (стр. 112).

организмъ, она также не могла бы образоваться, какъ *не было бы понятно физиологическое единство тѣла, не будь оно предназначено* во всѣхъ своихъ функциональных направленіяхъ уже въ физиологическихъ свойствахъ простой клѣточки. Какъ физиологически организмъ расчленяется на органы, которые до известной степени самостоятельны, но тѣмъ не менѣе объединяются благодаря ихъ связи, такъ мы можемъ, слѣдовательно, мыслить себѣ и волевое единство единого тѣла лишь какъ объединеніе суммы низшихъ волевыхъ единицъ, слѣды которыхъ частью еще могутъ быть признаны въ формахъ функций низшихъ центральныхъ частей“. Тоже самое можно сказать и о самыхъ послѣднихъ элементарныхъ единицахъ, обладающихъ, какъ говоритъ Вундтъ, „мгновеннымъ сознаніемъ“, тоже согласующихся съ общимъ сознаніемъ организма въ силу той же „предназначенности“. Изъ этой ссылки на Вундта мы положительно можемъ заключить слѣдующее: что такія же аналогичныя проявленія происходятъ и съ нами, т. е. мы также опредѣляемся и управляемся единой міровой волей, которая тоже, какъ и въ аналогичномъ случаѣ („воля единого тѣла заложена въ элементарной волѣ“) заложена въ нашей душѣ, иначе,—до нѣкоторой степени предначертана или, какъ Вундтъ говоритъ, „предназначенна“. И такимъ образомъ въ нашемъ нравственномъ сознательномъ чувствѣ открывается общій міровой планъ Высшаго Творца. И мы черезъ посредство нравственного чувства постигаемъ сущность міровой цѣли и постигаемъ вѣру въ Бога, который въ данномъ случаѣ открывается какъ бы черезъ нравственное

волеобщеніе съ Нимъ. Вотъ почему вполнѣ правъ Кантъ, сказавъ, что единственное возможное доказательство бытія Божія есть нравственное. И вотъ почему каждому желающему вѣрить въ Бога надо стать какъ можно лучшимъ, дабы черезъ нравственную волю узнать волю Творца и увѣровать въ Него. Тоже самое говоритъ и Челпановъ^(*): „Если мы допустимъ, что на наше внутреннее чувство божество можетъ оказывать такое же непосредственное воздѣйствіе, какъ вещи оказываютъ на наши внѣшнія чувства, то происхождение идеи Бога сдѣлается вполнѣ яснымъ“. Последнюю мысль подтверждаетъ и С. Н. Трубецкой въ трудѣ своемъ „Ученіе о Логосѣ въ его исторіи“, гдѣ онъ говоритъ: „Всѣ познанія возвышающіяся надъ простымъ чувственнымъ воспріятіемъ, получаютъ посредствомъ дѣятельности Логоса, являясь какъ бы его раскрытіемъ. Онъ возвышаетъ насъ надъ животною жизнью и связываетъ насъ съ божествомъ, обитая „въ господствующей“ части нашего духа^(**) и потому и Логосъ или разумъ, живущій въ насъ, эманация или излученіе всеобщаго божественнаго разума составляетъ какъ бы наше „внутреннее слово“^(***). Иначе говоря, что внутреннее сознание міроваго смысла открывается намъ чрезъ нравственное самоопредѣленіе, а послѣднее чрезъ духовное волеобщеніе съ міровымъ разумомъ. Но чтобы не расширять и безъ того растянувшуюся статью излишними ссылками, мы должны только напомнить читателю, что такого же рода доказательствами міроваго смысла, безсмертія и Бога полна почти вся философія Вл. Соловьева и его друга

(*) „Введеніе въ философію“ стр. 311.

(**) „Ученіе о Логосѣ“ стр. 49.

(***) Тамъ-же стр. 48.

С. Н. Трубецкого. И мы не можем не привести прекрасных строкъ Л. Лопатина объ этихъ дорогахъ для насъ писателей—философовъ. Онъ говорить: „И вотъ на нашихъ глазахъ прошли два друга: Вл. С. Соловьевъ и князь С. Н. Трубецкой. Оба они были несомнѣнные мистики, оба глубоко вѣрили въ то, надъ чѣмъ большинство современныхъ людей высокомерно смѣется. А какія это были крупныя общественныя силы, какъ много они боролись, какъ много они дали, какъ много зажгли сердець хорошимъ, гуманнымъ огнемъ! Какимъ ослѣпительно свѣтлымъ представляется пройденный ими жизненный путь“ (*). И говоря словами Л. Лопатина „въ ихъ глазахъ Богъ, нравственная правда и безсмертіе не были пустыми мечтами“ (**). Наконецъ самъ Л. Н. Толстой, которому посвящается настоящій трудъ является самымъ выдающимся философомъ, своею жизнью и своими трудами подтверждающимъ великія идеи міроваго смысла, безсмертія и бытія Божія. Въ самое послѣднее время онъ сказалъ: „Когда же стоишь точно на краю смерти, жизнь разгорается такимъ свѣтомъ, что и въ голову не можетъ прийти нелѣпое желаніе уйти съ того, что одно вѣчно и не истребимо“.

Изъ этихъ краткихъ ссылокъ на самыхъ выдающихся философовъ сего времени, мы смѣло можемъ противопоставить обыденной жизни и ея мелкимъ интересамъ великіе идеалы не какъ мечту, а какъ реальный фактъ глубоко-нравственной жизни,

(*) „Вопросы философіи и психологіи“ книга 81 стр. 128.

„Князь С. Н. Трубецкой и его общее философское міросозерцаніе“.

(**) Мы нарочно привели эту выдержку Л. М. Лопатина, чтобы показать, что этотъ глубоко симпатичный писатель тоже съ ними одномыслящъ.

достойной самого высокаго подражанія. Читателямъ ясно, насколько весьма важно усвоеніе такого рода великаго и глубоко-содержательнаго міровоззрѣнія. Имъ понятно вполнѣ, что это одно единственное міровоззрѣніе, усвоенное нами, можетъ спасти насъ отъ неминуемой гибели, возродивъ насъ нравственно въ самой основѣ нашей жизни, только оно одно можетъ наполнить наше сердце великою беззавѣтною любовью ко всему міру и великимъ подвигомъ за правду, только оно можетъ одарить нашъ разумъ великимъ свѣтомъ плодотворной, благодатной и божественной истины.

И потому наше главное усиліе должно быть направлено именно только на тѣ предметы, которые достойны нашихъ лучшихъ поисковъ познанія и любви. Оно должно быть направлено какъ говорить Е. Трубецкой „только на вѣчно сущее, то, что не рождается и не умираетъ, не растетъ и не уменьшается. Это не то, что въ одномъ отношеніи и въ опредѣленное время прекрасно, а съ другой стороны и въ другой моментъ—постыдно, хорошо для одного здѣсь, а дурно для другого—тамъ. Но то, что вѣчно прекрасное и безотносительное доброе и черезъ что все остальное прекрасное въ силу лишь его приобщенія къ этому первоисточнику красоты“(*).

Но сколько бы мы не приводили примѣровъ въ доказательство существованія безусловныхъ нравственныхъ законовъ, безсмертія и Бога, мы чувствуемъ, что многіе люди среди интеллигенціи, а отча-

(*) „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 91. „соціальная утопія“ Е. Трубецкого стр. 8.

сти уже и среди рабочаго народа, не вѣрятъ въ эти истины и духовныя основы міра. Въ лучшемъ случаѣ только сомнѣваются. И потому, не сказавъ хоть вкратцѣ объ этомъ недугѣ невѣрія, мы не исполнили бы своей скромной задачи этого труда.

Мы чувствуемъ невольнo, что у большинства людей есть какой то нравственный надломъ, который трудно уже исправить, что наступило какое то нравственное ослѣпленіе, вытравившее вѣру въ этотъ чудный очаровательный духовный міръ, полный безусловной свободы, нравственнаго величія, полного совершенства и абсолютной святости. Юношеская нравственная поэзія человѣчества уже померкла и человѣкъ уже не стремится въ идеальномъ порывѣ къ этому прекрасному міру возвышенныхъ грезъ. Онъ уже не поднимаетъ съ надеждой свой взоръ къ голубой лазури небесъ. Онъ уже не смотритъ по ночамъ на таинственно сіяющій куполъ необъятныхъ звѣздныхъ міровъ. И эти ясныя звѣзды уже не нашептываютъ ему таинственныхъ грезъ про вѣчную, сіяющую, безграничную и бессмертную жизнь. Весь идеальный блескъ сіянія и яркости нравственной жизни потускнѣлъ. Вся заманчивость поэтическаго идеализма обрушилась и человѣкъ остался только съ пустой душой, холоднымъ сердцемъ, да съ прозрачной природой, потерявшей тоже по той же причинѣ прелесть юной поэзии. И она, не вѣдая уже больше ласки и любви человѣка, захирѣла, осунулась и обнищала. Вспойвъ, вскормивъ человѣчество, отдавъ ему всѣ свои лучшія дары, она не получила даже должной благодарности отъ своихъ несчастныхъ дѣтей: они, не любя ее, мотовски расхи-

тили ея дары, ограбили, оставивъ ее на произволъ обнищалой. И она перестала родить и кормить въ должной степени. Явились засухи, утеря растительности, влаги, ея живительной и разнообразной дѣйственной красоты и могущества плодородія. Вотъ какое значеніе имѣетъ благородство мыслей и таковой же дѣятельности по отношенію къ природѣ. И вотъ почему правъ Вл. Соловьевъ, сказавъ, что „одною агрономіей и экономіей безъ внутренней правды цѣлые народы, погибающіе отъ ложныхъ мыслей и неправильной жизни, спасены быть не могутъ“.

Такимъ образомъ человѣкъ не только утерялъ прекрасную поэзію небесъ, но и поэзію юной природы. Онъ уже пересталъ видѣть въ нихъ свое родство, свое духовное посредничество, соединяющее небо и землю. Онъ уже пересталъ видѣть себя сыномъ вселенной, онъ уже не обнимаетъ своимъ взоромъ необъятныхъ міровъ. Онъ не имѣетъ величавыхъ идей могучаго вселенскаго духа. Ему уже не свойственна идея всеобъемлющей міровой цѣли и первопричины его Великаго Бога. Онъ имѣетъ только лишь кучу металлическихъ грошей, фальшивыхъ бумагъ для обмѣна своего кропотливаго, крохотнаго и суетливаго труда на мишурныя тряпочки и обставочки,—обмѣниваемого на вѣчномъ базарѣ суетливой толпы. Вотъ что осталось отъ величавыхъ порывовъ къ добру, отъ стремленій къ истинѣ и отъ такой же не менѣе величавой жизни великихъ духомъ подвижниковъ за міровую правду, одухотворенныхъ вселенской идеей всемогущаго божественнаго смысла.

Взгляните вы въ область мыслей и чувствъ современнаго человѣчества, и вы увидите тамъ постепенное вымираніе возвышенныхъ чувствъ и мыслей, занятыхъ вселенскими вопросами, составляющими самое лучшее достояніе великихъ мудрецовъ, но вы увидите тамъ, что вмѣсто истиннаго нравственнаго свѣта великихъ душевныхъ порывовъ и оправданій ихъ, вмѣсто вселенскихъ цѣлей, вмѣсто идей единства всѣхъ людей и нравственнаго ихъ родства, вмѣсто христіанскаго единенія и любви, вы увидите сумеречный свѣтъ мелкихъ порывовъ разсудочнаго альтруизма, расчетливо взвѣсившаго полезность моральнаго поступка и сдѣлавшаго точный подсчетъ того, на какую сумму единицъ можно быть моральнымъ. Однимъ словомъ, вы увидите тамъ только ближайшія цѣли, не идущія дальше національнаго самолюбія и не знающей большей любви, чѣмъ своей націи, или большей массы людей, объединенныхъ расчетомъ своихъ матеріальныхъ выгодъ.

Вотъ что является страшнымъ по своимъ послѣдствіямъ, препятствіемъ къ усвоенію великихъ міровыхъ идей. И это страшное уже не замедлило обнаружиться въ нашей не менѣе страшной дѣйствительности, полной убійствами, грабежами, изувѣрствами, злобою, проклятіемъ, ненавистью, болѣзненными стенаніями ивѣчной животной грызней за этотъ несчастный хлѣбъ, который не умѣютъ даже добыть, не только по братски подѣлить. Но прежде чѣмъ говорить объ этой дѣйствительности, мы должны высказать о причинахъ ея возникновенія и объ ея теоретическомъ оправданіи.

Къ одной изъ такихъ причинъ относится главнымъ образомъ то, что человѣкъ не повѣрилъ въ сверхчувственное, ноуменальное происхождение нравственныхъ чувствъ, вложенныхъ Высшимъ Началомъ для разумнаго опредѣленія смысла человѣческой жизни и для полнаго руководящаго согласованія этого смысла съ Высшею Волею, поставившей человѣку задачу осуществленія нравственной міровой цѣли, высшее опредѣленіе которой было раскрыто ученіемъ Иисуса Христа. Не повѣрилъ же онъ потому, что высшая отдаленная цѣль нравственнаго міроваго идеала была непонятна массѣ. Ей не было понятно, что отдаленная идеальная цѣль есть одновременно и ближайшая. Она не могла понять, что не можетъ быть въ мірѣ двухъ противоположныхъ цѣлей—цѣли индивидуальной жизни и цѣли міровой, а что она есть односущная, и что нравственность есть только ея земное, реальное обнаруженіе въ формѣ нравственнаго индивидуальнаго стремленія. Иначе, нравственные задачи человѣка есть одновременно и міровыя, ибо намъ поручено исполненіе всеобщей цѣли путемъ индивидуальныхъ усилій; эта цѣль есть осуществленіе царства Божія во вселенной. Естественно, что въ силу такого непониманія и недо-⁺вѣрія, не была понята та же мысль, высказанная Иисусомъ Христомъ: „Кто хочетъ спасти свою душу, тотъ погубитъ ее“. Это изреченіе именно ясно указываетъ, что отдѣлять себя, свои цѣли отъ міровой вселенской цѣли, опредѣляемой Высшею Волею, безумно, ибо моя цѣль есть одновременно и міровая. Слѣдовательно, кто хочетъ отдѣлить свою жизнь отъ міровой, тотъ губитъ ее. Какъ нельзя идти сыну

противъ отца, отрицая его родительство—причину своего рожденія, такъ точно нельзя отрицать міровую цѣль, рождающую индивидуальную. Ибо нельзя возставать части противъ цѣлаго, опредѣляющаго эту часть, дабы не впасть нетолько въ противорѣчіе, но и въ гибель. Гибель цѣлаго неминуемо поведетъ къ гибели и части его. И посему части должны взять на себя исполненіе функций цѣлаго. Только въ осуществленіи стремленій цѣлаго части наилучшимъ образомъ сохранять себя и увѣковѣчать. Посему, кто хочетъ быть участникомъ безсмертія, тотъ долженъ взять на себя такую же безсмертную роль, исполняя которую онъ будетъ участвовать въ осуществленіи безсмертной міровой цѣли, открывающейся намъ черезъ нравственное чувство. Отсюда понятно изрѣченіе Іисуса Христа: „Я творю волю Отца, пославшаго меня“—ту высшую міровую волю Бога, которая именно открылась полностью въ лицѣ Іисуса Христа, и которую Онъ явился исполнить среди людей. Но люди не повѣрили этому, и этому невѣрію помогъ самообманъ чувственности, отдѣляющій себя отъ своей сущности, отъ своей „вещи въ себѣ“, своего нравственного самоопредѣленія. И человекъ повѣрилъ не этому нравственному самоопредѣленію своей жизни, а чувственному,—не сущности, а явленію, не причинѣ своей жизни, а слѣдствію, не живой вѣчной духовной цѣли, связующей всѣхъ въ единомъ братствѣ, а инертному временному и безцѣльному средству, разъединяющему враждою людей, не смыслу, а бессмыслицѣ, не вѣчному, живому, разумному сознанію, знающему истинный смыслъ жизни, а временному, неразумному, слу-

чайному, не имѣющему смысла, не сохраняющему и безсмертному началу, а измѣняющемуся и смертному, не общему и всеміровому, а частному и индивидуальному, не вносящему миръ, а вносящему раздоръ. Вотъ чему повѣрилъ человѣкъ.

Такимъ образомъ человѣчество впало въ дѣтство. Съ нимъ случилось то, что случилось бы съ ребенкомъ, который руководствуясь исключительно инстинктивной стороной своей жизни, не знающей высшихъ разумныхъ законовъ ея и ведущей къ гибели, отвергъ бы родительское руководство, знающее эти болѣе разумные законы жизни и лучше сохраняющіе ее. Результатомъ такого отрицательнаго отношенія явилось бы то, что ребенокъ началъ бы руководствоваться своимъ собственнымъ низшимъ чувственнымъ опытомъ, слѣпо повинуясь ему во всемъ. Понятно, что такой чувственный опытъ если бы и не кончился немедленно смертью, то страшными муками, которыя въ концѣ концовъ заставили бы усумниться въ своемъ самодовлѣющемъ пониманіи жизни и возвратиться вновь къ руководству родителей. Въ противномъ же случаѣ эта гибель была бы безусловно или быстрой, или хронической, но съ тѣмъ же исходомъ—смертью. Такое же точно дѣтство переживаетъ и человѣче-

ство, отвергнувшее высшіе руководящіе нравственные законы, открытые Высшею Волею черезъ лучшихъ людей путемъ благодати, т. е. путемъ дарованнаго свыше нравственнаго блага, а повѣрило другому—ложному пути самостоятельного испытанія, гдѣ, какъ говорилъ Вл. Соловьевъ, (*) „низшая природа одолѣла человѣка и соблазнила его искать вышшаго блага путемъ чувственнаго опыта“. Результаты такого соблазна ясны: всѣ мы уже трепещемъ отъ страха за свою жизнь, всѣ уже давно стали бояться не звѣря, но человѣка Каина, ставшаго звѣремъ. Это первый соблазнъ. Второй—дальнѣйшій, это теоретическое оправданіе своей ложной жизни, возведенной въ принципъ. Къ такимъ оправдывающимъ поученіямъ относятся современный матеріализмъ и эмпирическая мораль утилитаризма и эвдемонизма.

Изъ обзора исторіи матеріализма мы видимъ, что матеріалистическій взглядъ въ древнемъ мірѣ былъ сперва полусознательной попыткой найти объясненіе міровыхъ явленій изъ одного принципа въ силу того, что древняя космогонія съ ея враждавшими между собою богами не удовлетворяла уже пытливой мысли. Слѣдовательно здѣсь такая попытка имѣла свое глубокое и разумное основаніе, разъ не было лучшаго объясненія. Тѣмъ болѣе, что этотъ матеріалистическій взглядъ былъ направленъ главнымъ образомъ на объясненіе внѣшняго видимаго міра. Здѣсь не было никакого стремленія себя обмануть, или преднамѣренно оправдать свои дурные поступки, какъ это и случилось въ настоящее время.

(*) Томъ IV стр. 312.

И вотъ почему древній матеріализмъ Демокрита и Эпикура не только не отрицалъ, но признавалъ обязательныя, такіе же строгія этическія основы, необходимыя для человѣческаго поведенія, какъ въ настоящее время, и потому также противоположныя матеріалистическому механизму. Эти этическія основы вытекали изъ признанія ея источника—души, которая по Демокриту, хотя и состояла изъ атомовъ, но изъ атомовъ особаго, отличнаго рода „подобныхъ атомамъ огня—гладкихъ и круглыхъ“ (*). „Эти атомы самые подвижныя, и отъ ихъ движенія, проникающаго черезъ все тѣло, происходятъ всѣ явленія жизни“. И потому „душа есть особенное вещество“, „душа есть существенное въ человѣкѣ, тѣло только сосудъ души и о ней мы должны заботиться прежде“. Вотъ такъ смотрѣли Демокритъ и его послѣдователи; ясно, что этотъ взглядъ противоположный современному матеріализму, выводящему духовныя явленія изъ простой химической комбинаціи органическихъ процессовъ, или, какъ говорятъ, изъ процессовъ мозговой дѣятельности. Понятно, что такое міровоззрѣніе служитъ лишь въ угоду ложному взгляду на жизнь и вопреки такому смыслу. Такъ или иначе, но, какъ говоритъ А. Ланге, различіе, полагаемое Демокритомъ между тѣломъ и душой, не особенно бы понравилось современнымъ матеріалистамъ. Но и этотъ древній матеріализмъ былъ временнымъ объясненіемъ міра, ибо, хотя онъ существуетъ и по настоящее время, но тогда уже потерялъ свое доминирующее значеніе, когда возникло лучшее идеалистическое міровозз-

(*) А. Ланге, „Исторія матеріализма“ стр. 19.

рѣніе, выработанное великими умами—Сократомъ, Платономъ и Аристотелемъ и лучше объясняющее міровыя явленія, особенно духовную сторону жизни. Наконецъ христіанство, обновившее міръ великой идеей царства Божія, идеей безсмертія и Бога, совершенно устранило съ исторической сцены матеріализмъ. И только въ новое время съ начала возрожденія языческой культуры и съ утерей вновь руководящаго религіознаго взгляда на міръ, онъ вновь воскресъ и настолько укрѣпился, что сталъ достояніемъ толпы, возведшей его въ догматическое ученіе. „Современный догматическій матеріализмъ, говоритъ Челпановъ, утверждаетъ, что только матеріальные атомы представляютъ изъ себя истинную реальность, что изъ атомовъ созидается вся дѣйствительность, все существующее, что душа, сознание, мысль есть ничто иное какъ движеніе матеріальныхъ атомовъ“(*). Такое упрощенное представленіе на міръ, сводящее все на „механику матеріальныхъ атомовъ“ было вполне пригодно для человѣка, не только утерявшаго всякій смыслъ своей жизни и всей вселенной, но и отвергающаго существованіе Бога, а также и вытекающіе изъ этого источника безусловные нравственные законы, основанные на свободѣ воли, составляющей сущность автономной морали съ ея категорическимъ императивомъ всеобщаго и необходимаго, должнаго нравственнаго поведенія для всѣхъ людей.

Вмѣсто всего этого великаго и драгоцѣннаго достоянія человѣческой мудрости и разумной вѣры

(*) „Мозгъ и Душа“ Челпанова, „Критика матеріализма и очеркъ современныхъ ученій о душѣ“ стр. 14.

—люди противопоставили просто неисчислимые мириады самодовлѣющихъ себѣ атомовъ, которые изъ неорганическаго состоянія переходятъ въ органическое, а послѣднее въ психическое. Такой же упрощенный способъ ими примѣняется и къ нравственности; они, какъ говоритъ, Ф. Юдль, (*) „утверждаютъ, что вся нравственность есть только утонченный эгоизмъ, разумно понятый интересъ отдѣльнаго лица“ и что, слѣдовательно, самое безкорыстіе, отреченіе и самопожертвованіе и др. благородные поступки опредѣляются тѣмъ, что человѣкъ „умѣетъ отречься отъ минутнаго удовольствія ради будущаго большаго“ и т. д. Таково въ общемъ ученіе утилитаризма, выросшаго на той же матеріалистической почвѣ. И потому М. Гюйо вполне правъ говоря, что для утилитаризма, не могущаго „выйти изъ сферы личнаго интереса, все будущее истиной моральности закрыто, повидимому, навсегда“, ибо нельзя же „отыскивать корысть, которая бы привела насъ къ безкорыстію, эгоизмъ, который привелъ бы насъ къ альтруизму; когда онъ отыскиваетъ въ наиболѣе низкихъ сторонахъ нашего существа силу, которая должна поднять насъ выше насъ самихъ,—тогда онъ остается чаще всего безсильнымъ и, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, Гельвеціемъ и Гольбахомъ, какъ и Дарвиномъ и Спенсеромъ вращается, повидимому, въ кругѣ, котораго онъ можетъ ни избѣгнуть, ни разрушить, ни переступить“ (**).

Этого мало, но дѣло усложняется еще тѣмъ, что при переходѣ ученія утилитаризма и матеріа-

(*) „Исторія этики“ стр. 5.

(**) Гюйо, „исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности“ стр. 456.

✓ лизма изъ философскихъ кафедръ въ толпу, послѣдній настолько принижается, извращается и профанируется, что служить лишь въ угоду низшимъ страстямъ людей. И потому ничего нѣтъ удивительнаго, что имморализмъ все больше и больше завоевываетъ себѣ послѣдователей. А знаменитый афоризмъ Ницше: „ничто не истинно, все дозволено“, стало догматическимъ достояніемъ толпы. Происходитъ же это потому, что будничные люди (если такъ можно выразиться) стараются жизнь свою лишь оправдать, но не объяснить, не найти ей обоснованіе—смыслъ, а только лишь устранить, затуманить противорѣчія ея. Эта туманность необходима еще потому, чтобы люди, тоже думая такъ, какъ они, не только не смотрѣли бы на нихъ подозрительно, но и были бы и пособниками. И вотъ почему, какъ говорить, почти тоже, Паульсенъ(*) „пустая и пошлая жизнь имѣетъ тенденцію создать скорѣе всего нигилистическое воззрѣніе на жизнь; черты его слѣдующія: низкая оцѣнка жизни и ея назначенія, непризнаваніе и осмѣиваніе наиболѣе благородныхъ сторонъ человѣческой природы, утрата благоговѣнія передъ нравственнымъ и духовнымъ величіемъ, безвѣріе и издѣвательство надъ идеальными стремленіями. И такое нигилистическое пониманіе жизни во всякомъ случаѣ имѣетъ естественную наклонность къ материалистическому міросозерцанію; оно охотно обопрется на тотъ „выводъ науки“, будто міръ, равно какъ исторія, есть игра безсмысленнаго случая; будто слѣпые силы соединили атомы, чтобы въ ближайшее мгновеніе также равнодушно снова разсѣять ихъ.

(*) Паульсенъ „Введеніе въ философію“ стр. 71—72.

Не вездѣ одерживаютъ верхъ эти тенденціи; есть достаточно порядочныхъ людей, не идущихъ далѣе матеріалистической метафизики.... Но все таки всякій старается, насколько можетъ, истолковать смыслъ и значеніе жизни и дѣйствительности вообще изъ сокровеннѣйшихъ опытовъ своей собственной жизни^(*). А такъ какъ этотъ опытъ внутренняго духовнаго міра у большинства ничтожный по своему нравственному значенію и по своему логическому обоснованію, то естественно эти люди, если сами и не создаютъ своего, соотвѣтствующаго ихъ жизни, міровоззрѣнія, оправдывающаго ихъ ничтожную жизнь, то легко подчиняются таковому, — уже готовому нигилистическому міровоззрѣнію, созданному другими, уже нравственно свихнувшимися, но вкусившими плодовъ древа познанія, а посему и съумѣвшими кое какъ создать свое доморощенное міровоззрѣніе, якобы „обоснованное научно“, но по существу являющееся лишь копіей дурной жизни, наполненной ложными измышленіями. И вотъ въ силу такого господствующаго ложнаго міровоззрѣнія, созданнаго по своему подобію полуобразованными людьми, а также въ силу низкаго урваня общественной среды и въ силу отсутствія въ этой средѣ истинно научнаго философскаго міровоззрѣнія, являющагося лишь достояніемъ немногихъ, получается та извѣстная обычная картина вербованія молодыхъ людей на ложный путь и то извращеніе ихъ, которое они принимаютъ по своему невѣдѣнію за истинное откровеніе. И многіе часто весьма симпатичные молодые люди, искренно жаждущіе свѣта истины,

(*) „Введеніе въ философію“ стр. 71, Паульсена.

попадаютъ въ ловушку логическихъ праздномыслій, напыщенныхъ фразъ, научныхъ каламбуровъ и разныхъ логизмовъ, сплетающихся въ какой то мудреный клубокъ, въ которомъ настолько безвыходно запутываются сами философы, что воображаютъ себя осѣненными великимъ сіяніемъ истины, а по существу просто загипнотизировавши себя нѣкоторою логическою связаностію своихъ словъ—мыслей, которая настолько имъ показалась уже великою мудростію, что они, успокоившись вполне, творятъ, ни въ чемъ не сомнѣваясь, свои небольшія дѣла. Съ ними случилось то, что случается съ маленькими дѣтьми, которыя, повторяя наборъ рифмованныхъ дѣтскихъ каламбуровъ, вродѣ: „ани, бани“ и т. д., воображаютъ себѣ, что они говорятъ что то мудреное. А такъ какъ наше скудное ремесленно-одностороннее образованіе и бессмысленная среда создаютъ только дѣтскія головы, то ничего нѣтъ удивительнаго, что въ такое же точно дѣтство впадаютъ и юные отроки, попадающіе въ среду изрекающихъ эти „ани, бани“. Особенно ихъ поражаютъ великовозрастные юноши—мужи и старики, которые, оставшись на точкѣ замерзанія съ юношескихъ лѣтъ, повторяютъ тѣ же логическіе каламбуры ложнаго міровоззрѣнія,—якобы оставаясь „вѣрными и неизмѣнными своимъ научнымъ убѣжденіямъ“, а по существу тѣмъ же „ани, бани“. И вотъ бѣдные молодые люди, попадая въ такую среду, наполненную „научно обоснованными“ логическими каламбурами, впадаютъ легко въ гипнозъ праздномыслій, забывая про здравый рассудокъ. И, какъ говоритъ Паульсенъ,—„молодой человѣкъ, въ кото-

ромъ школа и родительскій домъ запечатлѣли представленія церковнаго ученія, вступають въ какую нибудь новую среду. На фабрикѣ, въ торговлѣ, въ школѣ или въ университетѣ онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ „просвѣщенными“ товарищами, онъ знакомится съ популярно-научной литературой, въ которой природа и исторія трактуются съ точки зрѣнія вражды къ суевѣрію и поповству. И вотъ у него какъ бы прѣзрѣваютъ глаза; „вѣдь все это обманъ, чѣмъ набили мнѣ голову въ дѣтствѣ; міръ существуетъ вѣчно, человѣкъ не что иное, какъ особа развитой родъ животнаго, нравственные законы и загробная жизнь—поповская выдумка для запугиванія глупцовъ“. Такой переворотъ въ мірѣ представлений не останется конечно безъ обратнаго вѣдѣнія на жизнь. Вновь просвѣтившійся будетъ теперь философствовать далѣе: „такъ какъ не существуетъ Бога и загробной жизни, то я могу, слѣдовательно, позволять себѣ дѣлать все, на что у меня есть охота; позволительно все, что нравится“... И вотъ онъ начинаетъ—сначала можетъ быть не безъ внутренняго сопротивленія—дѣлать то, что было запрещено религіей и моралью, попираніе унаслѣдованныхъ нравовъ и прѣзрѣнія къ совѣсти дѣлаются для него гордымъ знакомъ свободы и просвѣщенія.

Что такія явленія дѣйствительно бываютъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; они ежедневно совершаются на нашихъ глазахъ, повторяясь тысячи разъ. „Въ наше время можетъ быть рѣдко найдется жизнь, которой осталось бы совершенно чуждымъ такое умствованіе“(*). Слова такого выдающагося

(*) „Введеніе въ философію“ Паульсена, стр. 71—72.

философа, какъ Паульсенъ, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Тѣмъ болѣе, что, говоритъ И. Я. Гротъ,—„у насъ въ Россіи, при сравнительно низкомъ уровнѣ умственной и нравственной культуры и при чрезвычайной впечатлительности, свойственной молодому народу, общество особенно склонно бросаться въ крайности и взаимная нетерпимость односторонне мыслящихъ группъ достигаетъ такихъ размѣровъ, какіе едва-ли извѣстны другому европейскому обществу. Въ каждую эпоху, впрочемъ, царитъ и властвуетъ одно направленіе, пока вновь не одолѣетъ противоположное,—и горе тому, кто пойдетъ противъ господствующаго теченія, даже въ качествѣ миротворца“.....(*)).

Изъ всего вышесказаннаго ясно, насколько мы далеки отъ истиннаго представленія о жизни и насколько намъ весьма важно и необходимо знакомство съ такими философскими міровоззрѣніями, какъ міровоззрѣнія Паульсена, В. Вундта, Л. Н. Толстого, Вл. Соловьева, Е. и С. Трубецкихъ, И. Я. Грота, Л. Лопатина и др. И если бы люди почаще интересовались бы и знакомились съ такими міровоззрѣніями, то не случилось бы съ нами того, что случилось теперь. Мы не зашли бы въ тотъ тупикъ, которымъ, какъ говоритъ Л. Н. Толстой,—„ясно обличили передъ собой ложь того пути, по которому они шли“(**). И въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не тупикъ, когда говоритъ Н. Гротъ,—„всѣ упомянутыя доктрины отрицаютъ абсолютный разумъ вселенной, т. е. Бога, абсолютную истину, благо и красоту, какъ

(*) И. Я. Гротъ „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“ стр. 4.

(**) Л. Н. Толстого „О жизни“.

принципы внутренняго строенія вселенной, и тѣмъ самымъ разрушаютъ смыслъ всѣхъ идеальныхъ влеченій человѣческой природы(*). Съ одной стороны ищутъ обоснованія нравственнаго смысла жизни, съ другой тутъ же его разрушаютъ. По истинѣ не вѣдаетъ правая рука того, что творитъ лѣвая.

Мы подобны тому слѣпому, который идя по неровному пути и среди препятствій, спотыкаясь и падая, думаетъ, что всему виной внѣшнія условія и неровность почвы, а не его слѣпота, и что достаточно изучить эти внѣшнія условія и все будетъ хорошо, ибо, какъ онъ думаетъ, весь смыслъ въ нихъ, и вмѣсто того, чтобы взять зрячаго руководителя, будетъ искать только ровную почву—лучшихъ условій и въ поискахъ за ними упадетъ въ глубокую бездну и погибнетъ. Такъ и люди вмѣсто того, чтобы взять въ руководство жизни свою совѣсть и нравственное разумное сознаніе, которое знаетъ какъ избавить его отъ гибели, дѣлаютъ обратное, предоставляя свою жизнь случаю, внѣшней необходимости, безсознательному ходу исторіи и своимъ инстинктамъ, думая, что эти-то условія и инстинкты и выведутъ его сами на истинную дорогу.

И не смотря на все это, Левъ Николаевичъ Толстой говоритъ: — „нѣтъ предѣловъ ихъ восторгамъ. Еще немного усилить микроскопы и мы пойдемъ переходъ изъ неорганическаго въ органическое и органическаго въ психическое, и вся тайна жизни откроется намъ.—Люди изучая тѣни вмѣсто предметовъ, забыли совсѣмъ про тотъ предметъ, тѣнь

(*) Н. Я. Гротъ. „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“.

котораго они изучали, и, все дальше и дальше углубляясь въ тѣнь, пришли къ полному мраку и радуются тому, что тѣнь сплошная“. А въ результатъ такого мрака получилось то ужасное, что мы испытываемъ теперь на себѣ, ежеминутно находясь подъ трепетомъ быть уничтоженными, разможенными и разрубленнымъ человѣкомъ—звѣремъ, которому „ничто не истинно и все дозволено“ и которому никакіе законы не писаны. А если и есть для такихъ людей спеціально писанные законы, то эти законы страшны, какъ кошмаръ,—это законы безумія и разрушенія. И дай Богъ, чтобы они никогда не были бы писаны для соблазна и растлѣнія людей. Эти законы растлѣнія и преклоненія передъ зломъ есть ужасъ бунта противъ Высшаго свѣтлаго Начала міра, противъ Великаго Бога. „И человѣкъ, дѣйствительно, какъ говоритъ Вл. Соловьевъ, (*) избралъ дорогу бунта. Давши волю своему хотѣнію, человѣкъ отвергъ надъ собою власть Божественной воли, повѣривши разсужденію низшей твари, онъ усумнился въ авторитетъ высшаго разума; наконецъ, приводя въ дѣйствіе свою дурную волю и свое обманутое разсужденіе, онъ на дѣлѣ потерялъ участіе въ верховномъ совѣтѣ и міроправленіи Божіемъ“. И такъ какъ человѣкъ, „покинулъ прямой и легкій путь къ ея достиженію, то принужденъ идти къ ней окольными и трудными путями, образующими съ тѣхъ поръ исторію человѣчества (**). И эта исторія

(*) Томъ IV, стр. 312—313.

(**) Къ такой же печальной исторіи человѣчества относится и половая распущенность въ древнее и настоящее время; она ведетъ къ враждѣ, убійствамъ и вырожденію. И усиленная распущенность есть явный показатель нравственнаго распада личности. Къ горькому сожальнію, не смотря на грозное предостереженіе древнихъ проро-

начинается тѣмъ, что „не Богъ и не природа причиною первой смерти въ мірѣ, а самъ человѣкъ: не отъ суда Божія, и не отъ обычнаго теченія природы увидѣла земля первого мертвеца, отъ насилія человѣческаго“(*). Вотъ та реальная совершенно голая дѣйствительность, которую хочетъ ревностно оправдать ложная рабская мысль; и вотъ, говоритъ В. Соловьевъ: „послѣ того, какъ *солидарность* рода человѣческаго *была нарушена* чувствомъ ревнивой злобы и дѣломъ убійства, она *прямо отрицается сознательно* мыслию и словомъ, возводится такъ-сказать въ принципъ:—„еда стражъ брату моему есмь азъ“?. Здѣсь важно не столько сокрытіе убійства, сколько скрытое оправданіе его черезъ отрицаніе солидарности между убійцею и убитымъ“(**). Хотя этотъ, какъ говоритъ В. Соловьевъ, „злой духъ Каина, перешедшій и къ потомкамъ его, не помѣшалъ этому злему роду положить первыя основанія цивилизації“(***), но потомъ эта цивилизація, наслѣдіемъ которой мы живемъ, сѣумѣла нарушеніе солидарности превратить въ іезуитское правило:—„добрая цѣль оправдываетъ дурныя средства“. Это отождествленіе доброй цѣли съ дурными средствами есть по существу демоническая ложь, которая погубила не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя государства, ибо говоритъ В. Соловьевъ:—„упомянутое правило

(*) Томъ IV, стр. 315.

(**) Вл. Соловьевъ, Томъ IV, стр. 315—316.

(***) Тамъ-же, стр. 316.

ковъ и Иисуса Христа, люди предаются этимъ порокамъ, не повѣривъ въ великое нравственное значеніе этого предостереженія. И мы почти на дняхъ явились очевидцами этой распушенности, выразившейся въ созданіи какихъ то „лигъ свободной любви“, а по существу союзовъ разврата. Не есть ли это начало трагическаго конца?... Этимъ только лишній разъ подчеркиваемъ ту печальную дѣйствительность, о которой мы здѣсь говорили.

сводится въ сущности къ словесному обману: добрая цѣль разумѣется не въ смыслѣ нравственнаго добра, а лишь въ смыслѣ собственной выгоды; тогда само собою понятно, что для субъекта, ставящаго свою выгоду выше всего, всякое средство одинаково хорошо“(*). Но этимъ дѣло не ограничивается,—это іезуитское правило, оправдывающее доброю цѣлью дурныя средства, постепенно развивается по наклонной плоскости преступности и доходитъ до того пункта, когда оправданіе уже становится не нужнымъ, ибо люди уже привыкаютъ къ преступности, какъ къ нормальному явленію. И съ этого момента уже наступаетъ доподлинная реальность безъ всякаго уже оправданія, ибо такое обнаженіе уже не нуждается въ излишнихъ для нея покровахъ. Она только предлагаетъ просто и ясно одну лишь такую же реальную, прозаичную, какъ и сама реальность, матеріальную выгоду—и только. И когда эта выгода почему либо считается неотъемлемой принадлежностью какого либо народа, класса или партіи, или когда, какъ говоритъ Соловьевъ,—„отдѣльному народу приписывается исключительная и неотъемлемая привилегія или монополія на абсолютную истину, тогда онъ изъ преимущественнаго носителя и служителя всечеловѣческаго идеала превращается въ безусловный, довлѣющій себѣ предметъ нашего служенія, т. е. въ идола, поклоненіе которому основано на лжи и ведетъ къ нравственному, а затѣмъ и матеріальному крушенію“(**). И крушеніе это неминуемо и вполне понятно, такъ какъ, гово-

(*) Вл. Соловьевъ, Томъ V, стр. 359

(**) Вл. Соловьевъ, Томъ V, стр. 360.

ритъ далѣе Соловьевъ,—„въ нашей земной дѣйствительности зло вообще сильнѣе добра, то дурные элементы въ народѣ, возвеличенные вмѣстѣ съ хорошими, скоро берутъ надъ ними перевѣсъ, и фальшиво обожествленный идолъ становится все болѣе и болѣе обманчивымъ, все менѣе и менѣе достойнымъ нашего поклоненія и служенія“. И вотъ вмѣсто того, чтобы подчиняться высшимъ нравственнымъ законамъ христіанскаго ученія, „мы начинаемъ поднимать въ своемъ народѣ его зоологическую сторону, возбуждать его *звѣриныя* инстинкты, укрѣплять въ немъ звѣриный образъ(*). Такимъ образомъ, съ этого момента начинается четвертый фазисъ развитія дурного начала(**). Но предварительно скажемъ еще нѣсколько словъ о третьемъ фазисѣ его развитія. Въ этомъ фазисѣ развитія дурного начала инстинкты человѣческой природы возводятся въ нормальные законы поведенія. А сама безыдейная пустая дѣйствительность возводится въ исключительное благо, разъ оно удовлетворяетъ этимъ инстинктамъ или потребностямъ. И цѣнность человѣческой личности (въ данномъ случаѣ) съ одной стороны опредѣляется полною физическою дородностью и вполне развитыми и рѣзко выраженными, такъ называемыми, „здоровыми инстинктами“, съ другой—степенью ея экономической полезности для другихъ. Въ этомъ фазисѣ реализма, возведеннаго въ культъ, и личность, какъ цѣль сама по себѣ, низводится на

(*) Вл. Соловьевъ, Томъ V, стр. 361.

(**) Первый фазисъ развитія дурнаго начала, выраженный Кантомъ словами:—„еда стражъ брату моему есмь азъ“. Второй—іезуитское оправданіе доброю цѣлью дурныхъ средствъ. Третій фазисъ его развитія—это голый фактъ грубой дѣйствительности, возведенной въ законъ, и четвертый,—о которомъ мы будемъ говорить сейчасъ.

ступень средства и среды для другихъ внѣшнихъ цѣлей, играя въ силу этого чисто служебную роль извѣстной полезности. Въ немъ же полагается начало четвертаго и послѣдняго фазиса развитія этого дурного начала, съ окончательнымъ развитіемъ котораго наступитъ ужасный крахъ человѣчества, а вмѣстѣ съ нимъ и всей земной природы. Въ этомъ окончательномъ фазисѣ развитія лжи, зло само собою разумѣется, не только не оправдывается, но, наоборотъ, утверждается, какъ новооткровенная истина, могущая спасти людей. И зло, бывшее до сего времени отрицательнымъ началомъ, возводится уже въ положительное творческое начало, якобы могущее творить добро(*). И дѣйствительно, настоящая, неприкрашенная наша дѣйствительность тому можетъ служить иллюстраціей: почти большая масса русскихъ людей теперь стала думать, что единственное ее спасеніе въ насиліи. И они настолько этому повѣрили, что нѣкоторые изъ нихъ, оправдываясь партійными цѣлями, не только совершаютъ эти ужасныя преступленія одинъ надъ другимъ, но и возводятъ это въ катехизисъ „соціальной религіи“. И главную роль такого злаго творчества беретъ на себя Великій Инквизиторъ Достоевскаго, отрицая предварительно міровой идеальной смыслъ вѣчной

(*) Это же подтверждаетъ Н. Бердяевъ въ своей статьѣ „Соціализмъ, какъ религія“ (въ журн. „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 85, стр. 513,—514 и 515), который говоритъ, что „марксизмъ полагаетъ, что злоба есть единственный источникъ добра, что нужно раздувать, усиливать зло, чтобы правда явилась въ міръ... Распаденіе общества на классы, классовые антагонизмы есть зло, но только отъ разжиганія классовой ненависти и злой классовой борьбы можетъ явиться въ міръ соціалистическое добро. Нужно злобой и ненавистью пропитать пролетаріатъ и тогда отъ всего произойдетъ грядущее совершенное человѣчество“. Для обоснованія же этой ненависти „религіи объявляется непримиримая война, въ которой Богъ долженъ быть устраненъ во имя счастья людей, во имя освобожденія пролетаріата отъ всѣхъ цѣнностей, чтобы сдѣлать его самага высшей цѣнностью“.

жизни,—стремится подмѣнить инымъ временнымъ, земнымъ смысломъ съ его животнымъ благополучіемъ, съ его сытостью, съ его лѣнивымъ покоемъ и съ его чувственными увлеченіями, и безъ Бога и вопреки ему. И вмѣсто истиннаго божественнаго пути предлагаетъ путь зла, по которому идутъ, какъ говоритъ Н. Бердяевъ, „агенты Великаго Инквизитора“, которые „отвратились въ сердцѣ своемъ отъ Христа и совершаютъ надругательство надъ духомъ“. Къ такимъ агентамъ Н. Бердяевъ въ своей статьѣ „Великій Инквизиторъ“(*) относитъ также и Карла Маркса, у котораго, какъ онъ говоритъ,—„была огромная привязанность къ злему началу, гораздо большая любовь къ міру внѣбожескому и противобожескому(**), чѣмъ у Байрона, Ницше, Ивана Карамазова и др. богоборцевъ. Марксъ вѣрилъ только въ творческую силу зла, добро изъ зла у него рождалось и „злымъ“ путемъ жаждалъ онъ устроить земное человѣчество, осчастливить его, лишивъ свободы выбора, религіозной свободы совѣсти. Совѣмъ какъ Побѣдоносцевъ, который тоже вѣрилъ только въ „злой“ путь, путь насилія и ненависти и хотѣлъ насильственно спасти человѣчество, создать принудительное счастье, отвергнувъ свободные дары Святого Духа“(***) . Это же самое насильственное „начало римской государственности черезъ католицизмъ перешло въ современный социализмъ,

(*) Вопросы философіи и психологін 1907, кн. 86 стр. 30.

(**) Это противобожеское, этотъ „атеизмъ Маркса, какъ говоритъ Н. Бердяевъ въ статьѣ „Великій инквизиторъ“ (стр. 31), не есть мука и тоска, а злобная радость, что Бога нѣтъ, что отъ Бога, наконецъ, отдѣлались и „стало возможнымъ въ первый разъ помыслить о счастье людей“.

(***) Н. Бердяевъ „Великій инквизиторъ“ стр. 30—31. „Вопросы философіи и психологін“, кн. 66.

который тоже жаждетъ устроить всемірное земное царство, хотя мечъ Кесаря влагаетъ въ руки народа, обоготворяетъ вмѣсто человѣка—Кесаря народъ—пролетаріатъ“(*), которымъ „духовное богатство воспрещается, запрещается думать о вѣчности; называютъ это эгоизмомъ, восхваляютъ лишь заботу о временномъ(**), говоря, „что выше истины хлѣбъ земной“, а посему „сначала накормите, а потомъ говорите о смыслѣ жизни, о злѣ будущаго“(***)). Тутъ они забываютъ самую простую истину, что только нравственная правда порождаетъ хлѣбъ, мало этого, но само человѣчество и весь міръ обязанъ *истинѣ—Богу, любви*, что не будь Его и Его божественной правды, не было бы и этого самого слова; ибо слово истина есть по существу тоже, что вѣчность—бессмертность. Это ея неотъемлемые атрибуты, предполагающіе духовное, вѣчное, нетлѣнное бытіе, тогда какъ хлѣбъ есть лишь временное, служебное бытіе органической жизни, которая есть въ свою очередь лишь средство истиннаго духовнаго бытія. И такъ, не хлѣбъ есть сущность и причина жизни, а самая нравственная истина есть первоисточникъ жизни и ея средства—хлѣба. Но люди не повѣрили великому изреченію Іисуса Христа, сказавшему, что „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“, т. е. всякимъ словомъ нравственной истины, безъ которой гибель неминуема.

Тожѣ самое говорить и Ев. И. Трубецкой въ своей статьѣ „Соціальная утопія Платона“,

(*) „Великій инквизиторъ“ стр. 18.

(**) „ „ „ стр. 12.

(***) „ „ „ стр. 86.

что разъ люди утѣрили высшій смыслъ жизни, то неминуемо потерпятъ крахъ и посему самое опасное для настоящаго времени это то, что мы, зная истину, не желаемъ ей слѣдовать, что мы грѣшимъ такъ-сказать преднамѣренно вопреки разуму. И сколько ни говорили самые лучшіе люди всего міра, что важнѣе всего въ мірѣ сохранять свою и народную душу отъ рабства низшихъ потребностей, сколько не стремились отрезвить людей отъ паденія, сколько ни указывали на истинный путь духовнаго возрожденія, люди не послушались, остались глухими. Мало этого, но такіе великіе мудрецы идеалисты, какъ Платонъ, Сократъ, не говоря уже о другихъ, считаются толпою просто мечтателями. А самое же страшное это то, что даже самаго Іисуса Христа считаютъ тоже только за мечтателя—иначе Ему бы и его ученію повѣрили бы, а также повѣрили бы и въ тотъ міръ, о которомъ онъ говорилъ; но они не повѣрили почти ни одному Его слову, ибо всѣ дѣлаютъ противоположное Его ученію, повѣривъ больше всего своему ложному ученію(*). Вотъ эта то причина и повела къ тому, что никакіе перечисляемые Платономъ типы государствъ не могли удовлетворить и спасти людей отъ гибели, ибо не хватало самаго существеннаго, что только одно можетъ сохранить людей—это царствія Божія внутри насъ. И вотъ почему, по тѣмъ же причинамъ самое демократическое государство, о которомъ грезятъ многіе социалисты, и въ настоящее время спасти людей не можетъ.—Разъ нѣтъ высшаго нрав-

(*) Вспомните Вы индивидуальную и національную звѣриную борьбу, вражду, взаимное истребленіе другъ друга и Вы увидите, что это правда.

ственного идеала истинного государства, т. е. того, что Вл. Соловьевъ называетъ нравственною организованностью, то демократія, какъ говоритъ Е. Трубецкой, также погибнетъ. „Какъ и олигархію ее погубить ненасытная жажда того самаго, что въ ней почитается, какъ высшее благо. За такое безусловное благо въ демократіи признается свобода“(*) и, понятно, ради нея она готова истребить всякаго, ибо кто подастъ „малѣйшій намекъ на кажущееся рабство—приводитъ ихъ въ ярость“. „Они не стѣсняются ни писанными, ни ненаписанными законами, лишь бы никто и никоимъ образомъ не былъ имъ повелителемъ“, въ силу этого „въ демократіи отецъ равняется съ сыномъ и боится его, и дѣти равняются съ родителями, не стыдятся ихъ и не почитая, дабы быть свободными“. Учителя боятся учениковъ и льстятъ имъ, ученики же презираютъ учителей и вообще педагоговъ. Молодые вступаютъ въ соревнованіе со старцами, равняясь съ ними въ словахъ и дѣлахъ. Старцы же снисходятъ къ молодымъ, обращаясь къ нимъ съ шутками и веселыми рѣчами, подражая имъ, дабы не показаться суровыми или деспотичными“(**).

Не забудьте, что это говоритъ Платонъ. Подумайте,—больше двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, а какъ будто это взято изъ нашей настоящей русской дѣйствительности!

Вотъ что значитъ утерять высшее руководящее начало! Вотъ откуда причина рабства человѣка. И не только 2000 лѣтъ не помогутъ нашему человѣ-

(*) „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 91, 1908 года „соціальная утопія Платона“ стр. 19—20.

(**) Тамъ-же, стр. 20.

честву, но и сотни тысячъ, пока оно не возвратится къ своему великому нравственному первоисточнику всякой жизни—къ Богу и его Божественнымъ законамъ, предназначеннымъ въ нашемъ сердцѣ. Нужно ли добавлять къ этому, что самое демократическое государство потомъ вырождается непременно въ демократическій деспотизмъ, въ самую худшую форму деспотизма—въ тиранію въ лицѣ своихъ тирановъ, а раньше обоготворяемыхъ любимыхъ героевъ, такъ печально завершающихъ кровавую исторію демократической борьбы за свободу, тутъ же похороненную тираномъ въ угоду насильственному царству, съ такими ужасными усилями созданнаго, но готоваго рушиться мгновенно въ прахъ при малѣйшемъ историческомъ толчокѣ событій, ибо тогда кромѣ власти насилія, оберегающаго былую свободу, и животнаго страха за нее, ничего лучшаго нѣтъ. И потому, говоритъ Е. Трубецкой,—„гражданское рабство въ тираніи представляетъ собою лишь внѣшнее проявленіе внутренняго порабощенія духа“(*). „Тираническая природа, пока она не достигаетъ власти, представляетъ обыкновенный типъ преступника. Это ненасытная рабская душа. И тиранический темпераментъ есть нѣкотораго рода сочетаніе опьяненія, чувственной похоти и меланхоліи“. И тѣ извращения низменной природы, которыя совершаются во снѣ, тѣ, говоритъ Трубецкой,—„въ тираніи происходятъ

(*) „Порабощеніе духа“, выражается въ томъ, что, какъ говоритъ Е. Трубецкой—„въ демократіи создается атмосфера всеобщаго взаимнаго развращенія. Софисты развращаютъ толпу; но и она въ свою очередь развращаетъ, ибо создаетъ величайшій соблазнъ—признавать истиннымъ и прекраснымъ все то, что ей нравится, то, чему она аплодируетъ. Истинные учителя мудрости, которые наперекоръ софистамъ рѣшаютъ противорѣчить площаднымъ вкусамъ, подвергаются жестокимъ преслѣдованіямъ“ см. „Соціальная утопія Платона“ стр. 21. „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 91.

на яву“ и даже болѣе того,—„человѣкъ становится на яву такимъ, какимъ раньше и во снѣ не бывалъ,—воромъ, святотатцемъ, торговцемъ невольниковъ, отцеубійцей“. „Тиранія была естественнымъ концомъ греческой демократіи; но также и демократія современная таитъ въ себѣ зародыши диктатуры въ монархической формѣ. Народопоклонство, переходящее въ звѣропоклонство, софистическая демагогія, основанная на лести и боготвореніи пороковъ толпы, грабежъ, экспроприація, конфискація и раздача земель, хулиганская волна, выносящая на себѣ тиранію, терроръ демократическій и терроръ монархическій, который устрашаетъ и самъ дрожитъ отъ страха, живя узникомъ въ своемъ дворцѣ,—все это не умирающіе чудовищные общечеловѣческіе типы, встрѣчающіеся въ разнообразныя эпохи(*)

Вотъ та страшная мучительная дѣйствительность, на которой мы старались остановиться, вдаваясь невольно въ подробности и отступая черезъ то отъ главной основной темы. Но жизнь настолько нераздѣльна въ своемъ единствѣ и связности частей, что затронувъ одну сторону ея, невольно приходится затронуть и другія. Но за то намъ хоть вкратцѣ удалось доказать, насколько велики бѣдствія отъ утери высшаго начала жизни и отъ возведенія зла въ творческую силу, насколько страшна вѣра въ злое начало, якобы могущее творить добро. Кстати, этимъ намъ хотѣлось хоть вкратцѣ познакомить читателей съ такими прекрасными статьями, написанными на современную тему, какъ статьи Ев. Трубецкого и Бердяева, на которыя мы тутъ же ссылались,—тѣмъ

(*) „Соціальная утопія Платона“ Е. Трубецкой, стр. 24—26.

болѣе, что эти статьи рѣдко кѣмъ будутъ читаться въ силу ужъ того, что онѣ помѣщены въ специальномъ, рѣдко читаемомъ, журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, тогда какъ онѣ знаменательны по своей содержательности и по своей искренности(*).

А вотъ если бы у насъ осуществилась предлагаемая нами Академія Нравственныхъ Наукъ, тогда не пришлось бы намъ напоминать и писать, тогда каждый волей-неволей, познакомился бы съ прекрасными и чудными мыслями многихъ нашихъ дорогихъ писателей. И каждый почти невольно познакомился бы съ философіей, къ которой большинство относится или какъ къ слишкомъ ненужной роскоши мысли, непригодной къ жизни, а скорѣе пригодной для отдѣльныхъ „чудаковъ“, которыхъ въ большинствѣ случаевъ называютъ съ насмѣшкой „философами“, что въ переводѣ означаетъ—непригодный для жизни человѣкъ(**). Нѣкоторые же хотя и считаютъ не лишнимъ знать ее, то чаще считаютъ слишкомъ недоступной, преувеличивая трудность усвоенія ея, не замѣчая того, что въ обиходной жизни они уже живутъ философскими мыслями, и что все хорошее и прекрасное, что украшаетъ человѣческую жизнь, то все обязано лишь философіи, или

(*) Мы не исполнили бы своего нравственного долга, если бы тутъ же не высказали свою глубокую признательность Ев. Н. Трубецкому за его глубокую любовь къ своей родинѣ и за то смѣлое слово правды, которое онъ проявилъ въ своихъ смѣлыхъ выступленіяхъ во время смутнаго времени противъ проповѣдниковъ всякаго насилія и разрушенія. Родина не должна забыть ни его, ни дорогого его брата Сергѣя Николаевича, выразившаго собою истинное нравственное величіе духа и гражданское мужество.

(**) И. Я. Гротъ говоритъ:—и теперь еще существуетъ много людей, особенно среди специалистовъ точнаго знанія, которые къ философскому мышленію относятся пренебрежительно, обзывая всякую философію „діалектикой“, хотя они обыкновенно не знаютъ, что такое діалектика“, см. его кн. „О душѣ въ связи съ современными ученіями о силѣ“, предисловіе стр. II.

иначе,—мудрому знанію лучшихъ людей, а безъ этого мудраго знанія мы неминуемо можемъ погибнуть, ибо нельзя жить вѣчно низами обыденности, надо стать выше дѣйствительности хоть на время, чтобы хоть разъ взглянуть на жизнь съ высоты мудраго знанія, окинувъ ее опытнымъ взоромъ, умудреннымъ этимъ историческимъ наслѣдіемъ великихъ мыслителей.

Но насколько такихъ великихъ мудрецовъ, обладающихъ истиннымъ знаніемъ, за все время было мало—ясно изъ исторіи. И это печальное явленіе объясняется отчасти тѣмъ, что окружающая среда общественной жизни не только не даетъ возможности развиваться колоссамъ мудрости, угнетая, принижая ихъ, но даже убиваетъ ихъ. „Въ древней Греціи, говоритъ Е. Трубецкой,—„былъ одинъ только чело-вѣкъ, который обладалъ этимъ важнѣйшимъ знаніемъ и именно за это убили его афиняне“, а Платонъ за тоже принужденъ былъ бѣжать, не говоря уже объ Анаксагорѣ, Аристотелѣ и др., которымъ также пришлось бѣжать. Нельзя сказать, чтобы и въ настоящее время было лучше, вѣдь люди и теперь, какъ иногда, не понимаютъ смысла жизни, а черезъ то не понимаютъ и всѣхъ тѣхъ нравственныхъ стремленій, усиленныхъ поисковъ людей за мудрымъ знаніемъ, за высшей правдой, и враждебно относятся къ тѣмъ, которые напоминаютъ имъ объ ихъ ложной жизни, и иногда эта враждебность достигаетъ до полной злобной ненависти, отвергающей высшіе дары благородныхъ мыслей. Причиной, источникомъ этой злобы, говоритъ Е. Трубецкой(*),—является „то

(*) „Вопросы философіи и психологіи“ кн. 91. „Соціальная утопія Платона“ стр. 24.

страшное, дикое, звѣроподобное начало“, которое часто „обнаруживается во снѣ, когда разумная, кроткая и господствующая часть души погружается въ дремоту. Тогда, освободившись отъ контроля разума, пробуждается въ насъ звѣриная природа; отрѣшаясь отъ всякаго стыда, она позволяетъ себѣ всякую дерзость. Въ состояніи самага опьяненія совершенно исчезаетъ грань между дозволеннымъ и преступнымъ: тутъ человѣку ничего не значитъ совокупиться съ матерью, съ какимъ нибудь другимъ человѣкомъ, со скотомъ или божествомъ, убить кого бы то ни было. Ни отъ какого питья, безумія и безстыдства онъ не воздерживается“. Вотъ то второе страшное злое начало, которое возстаетъ противъ лучшихъ людей прошлаго и настоящаго времени. И потому все усиліе наше должно быть направлено на освобожденіе себя отъ этого страшнаго звѣря, живущаго въ насъ, быть можетъ только притаившагося, но готовагоринутьсякаждое мгновеніе на человѣка, который берeditъ его совѣсть и мѣшаетъ ему предаваться своимъ страстямъ. Но надо держать его на цѣпи мудраго знанія, дабы самому не подпасть подъ его власть и не сдѣлаться только мѣстомъ его укрывательства съ поруганной душой и съ униженнымъ достоинствомъ человѣка, не надо поддаваться часто лукавой и хитрой звѣриной логикѣ, которая господствуетъ и по настоящее время, оправдывая все злое и которой „ничто не истинно, все дозволено“. Въ силу этой же логики говоритъ Л. Н. Толстой, „люди, забывъ про свое отношеніе къ Безконечному, не смотря на всю утонченность произведеній разсудка, спустились въ своемъ большинствѣ на низшую степень сознанія, на

ту спелень, на которой они руководимы только животными страстями и стаднымъ внушеніемъ“(*). И потому необходимо какъ можно побольше этого мудраго знанія,—вотъ что должно быть девизомъ нашего времени, ибо мы страшно убогіе нищіе, мы голые внутри, какъ дикари, готовые ринуться въ бой на того, кто раскроетъ нашу наготу; не видимъ же ее черезъ нашъ внѣшній культурный покровъ и черезъ тѣ лучшіе религіозные обычаи, которые, правда, не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему должному содержанію, отъ котораго они получили свое начало, но все таки еще насъ сдерживаютъ, но и они не есть наше достояніе, а то наслѣдіе, которое получено нами въ даръ отъ древнихъ мудрецовъ, пророковъ и главнымъ образомъ отъ первыхъ христіанъ, давшихъ духовныя основы истинной жизни, превратившіяся въ лучшія стороны нашихъ обычаевъ, но потомъ извращенныхъ злою волею человѣка въ лицѣ всякихъ инквизиторовъ—іезуитовъ и всякаго рода Аттилъ, именуемыхъ великими героями, извращающими лучшее достояніе людей и убивающими даже самихъ людей за самые лучшіе дары ихъ божественной души. И мы остались лишь съ обветшалыми древними обычаями языческой культуры, подмалеванной тѣми фальшивыми красками ложнаго гуманизма, которыя отъ малѣйшаго живительнаго луча духовнаго свѣта теряютъ свои линіючія краски, а отъ слезъ горькой дѣйствительности пачкаютъ лишь окружающіе предметы и всѣ дары природы, чѣмъ обнаруживаютъ свою фальшь. И вотъ почему намъ настоятельно необходимо это великое познаніе.

(*) „О значеніи русской революціи“ стр. 52.

И вотъ почему надо тысячи разъ напоминать объ одномъ и томъ же, и вотъ почему назойливо надо жужжать надъ ухомъ обывателя, постоянно напоминая объ этомъ, ибо шумъ житейской суматохи, бессмысленности и суеты ему не даютъ даже возможности сосредоточиться надъ своимъ несчастіемъ, которое онъ по невѣдѣнію принимаетъ какъ самое лучшее благодѣяніе. Но одно напоминаніе, понятно, ничего не поможетъ, оно можетъ растормошить лишь крѣпко занятого суетливаго человѣка, но надолго сосредоточить его мысль оно не можетъ. Для этого необходимъ мощный голосъ мудрости, подобный колокольному могучему звону великаго храма нравственности. Только такой могучій призывъ безконечно гудящаго колокола, призывающаго людей на молитву въ храмъ великихъ чувствъ и мудрыхъ истинъ, только такой звонъ храмовой мудрости можетъ разбудить уснувшую душу и встревожить дремлющее сердце, запертое въ клѣткѣ душевнаго мрака. Только такіе благодарные, какъ отдаленное эхо небесъ, —могучіе, величавые звуки мудрой духовной гармоніи, раскатывающіеся благодатными волнами знаній по необъятной Россіи, только такіе звуки мудраго знанія могутъ заставить вострепетать сердце благороднымъ порывомъ къ святынѣ великой и къ беззавѣтной любви. Такими звуками небесной гармоніи полна мудрость и святость Христа; она до сихъ поръ умиляетъ своею беззавѣтною любовью людскія сердца; пробуждаетъ святость души и въ уста влагаетъ добрыя благородныя слова, успокаиваетъ тревожное, уставшее сердце и на вѣчную жизнь даетъ надежду душѣ. Такими же звуками небесной

гармоніи полна мудрость великихъ людей, она, исполняя гимнъ торжествующей мысли и любви надъ мракомъ людей и свѣтомъ мудрости, освѣщая людскія сердца, разгоняетъ мрачную тьму.

Вотъ эту то могучую мудрость, духовное наслѣдіе вѣковъ, можетъ проводить въ народъ наша будущая Академія Нравственныхъ Наукъ. На ней будетъ лежать святая обязанность раздавать эти благодатные дары своему и чужому народу,—вообще односущному страдающему человѣчеству, не знающему истиннаго свѣта и пребывающаго во тьмѣ. Велика трудная обязанность этихъ учителей, но велика будетъ и нравственная награда этимъ дорогимъ проводникамъ и свѣтильникамъ священнаго огня, поддерживающимъ его вѣчное пламя любви среди людей и освѣщающимъ окружающій ихъ мракъ. Такихъ людей у насъ не мало найдется(*) и они безусловно съ готовностью отдадутъ свои силы на служеніе своему народу. Они съумѣютъ руководить имъ, съумѣютъ доказать то свое глубокое высшее знаніе, которое только одно можетъ спасти нашъ народъ; но для этого, понятно, необходимо главное изъ условій,—чтобы самъ народъ созналъ свое нравственное убожество въ области нравственно-философскаго міровоззрѣнія, чтобы созналъ, довѣрился этимъ людямъ и не слушался бы его недоброжелателей со всѣхъ лагерей, которые всегда найдутся, дабы затемнить народную совѣсть, а черезъ то и эксплуатировать его для всякихъ близкихъ и отда-

(*) У насъ до нѣкоторой степени уже давно работаютъ въ этомъ направленіи Московское и Петербургское философско-психологическія общества, издающія журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, не говоря уже объ отдѣльных трудахъ того же характера всѣхъ участниковъ этого журнала.

ленныхъ цѣлей, скрывая отъ него высшую истину жизни.

Я полагаю, о программѣ будущей дѣятельности этихъ людей тутъ нѣтъ надобности говорить, ибо это дѣло будущаго. Одно только желательно напомнить теперь же, это то, чтобы, если представится возможность, устроить при Академіи Нравственныхъ Наукъ курсы преподаванія нравственной философіи для выпуска добровольныхъ проповѣдниковъ, желающихъ проводить ее народу по отдаленнымъ уголкамъ Россіи. Если же это невозможно будетъ, то хоть ограничиться ролью хранителей высшихъ завѣтовъ мудрости великихъ людей, нашедшей свое завершеніе и высшій расцвѣтъ въ Евангельскомъ богооткровенномъ ученіи Христа. Съ этимъ Евангельскимъ ученіемъ, какъ со своей основой, нравственная философія никогда не будетъ расходиться ни на іоту, ибо иначе она была бы уже не нравственной философіей и потеряла бы всякое значеніе. Къ счастью истинная нравственная философія по своему существу, а не по названію только, никогда въ своей основѣ не расходилась съ Евангеліемъ, что доказали не только древніе философы въ лицѣ Сократа и Платона, но особенно въ лицѣ Л. Н. Толстого, Вл. Соловьева и С. Трубецкаго, создавшихъ крѣпкую основу такой философіи.

Оставшись же, хотя бы только хранительницей духовной святыни, она будетъ издавать свои труды для распространенія среди народа по самой доступной цѣнѣ, а для мѣстныхъ народныхъ библіотекъ бесплатно. Расходы же по изданію должно взять на себя все русское общество, вступившее въ члены

соребнователи, добровольно жертвуя сколько кто можетъ. Кромѣ того, что самое важное,—это то, чтобы философско-нравственное образованіе было распространяемо среди народа, во первыхъ путемъ школьнаго преподаванія въ сельскихъ школахъ, (*) воторыхъ путемъ лекцій. Лекторами могутъ быть только получившіе разрѣшеніе Академіи Нравственныхъ Наукъ, дабы не профанировали этого великаго дѣла недобрые люди, пожелавшіе проводить противное нравственности, но подъ ея видомъ. Тоже самое преподаваніе должно быть утверждено въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Для преподаванія нравственной философіи необходимы, понятно, соотвѣтствующіе учебники, согласованные съ уровнемъ знанія и возрастомъ учащихся. Провѣрять же добросовѣстность преподаванія должно быть предоставлено лицамъ уполномоченнымъ отъ самой Академіи, выдавающей на то особыя права. Кромѣ того, она можетъ учредить исключительно философскія библіотеки на счетъ мѣстнаго общества. Она же должна разрѣшать устраивать лекціи и т. д. Вотъ вкратцѣ то, что особенно необходимо и безъ чего дѣятельность ея свелась бы до минимума вліянія.

Если же вообще это не могло бы быть осуществлено черезъ какія то ничтожныя пожертвованія,

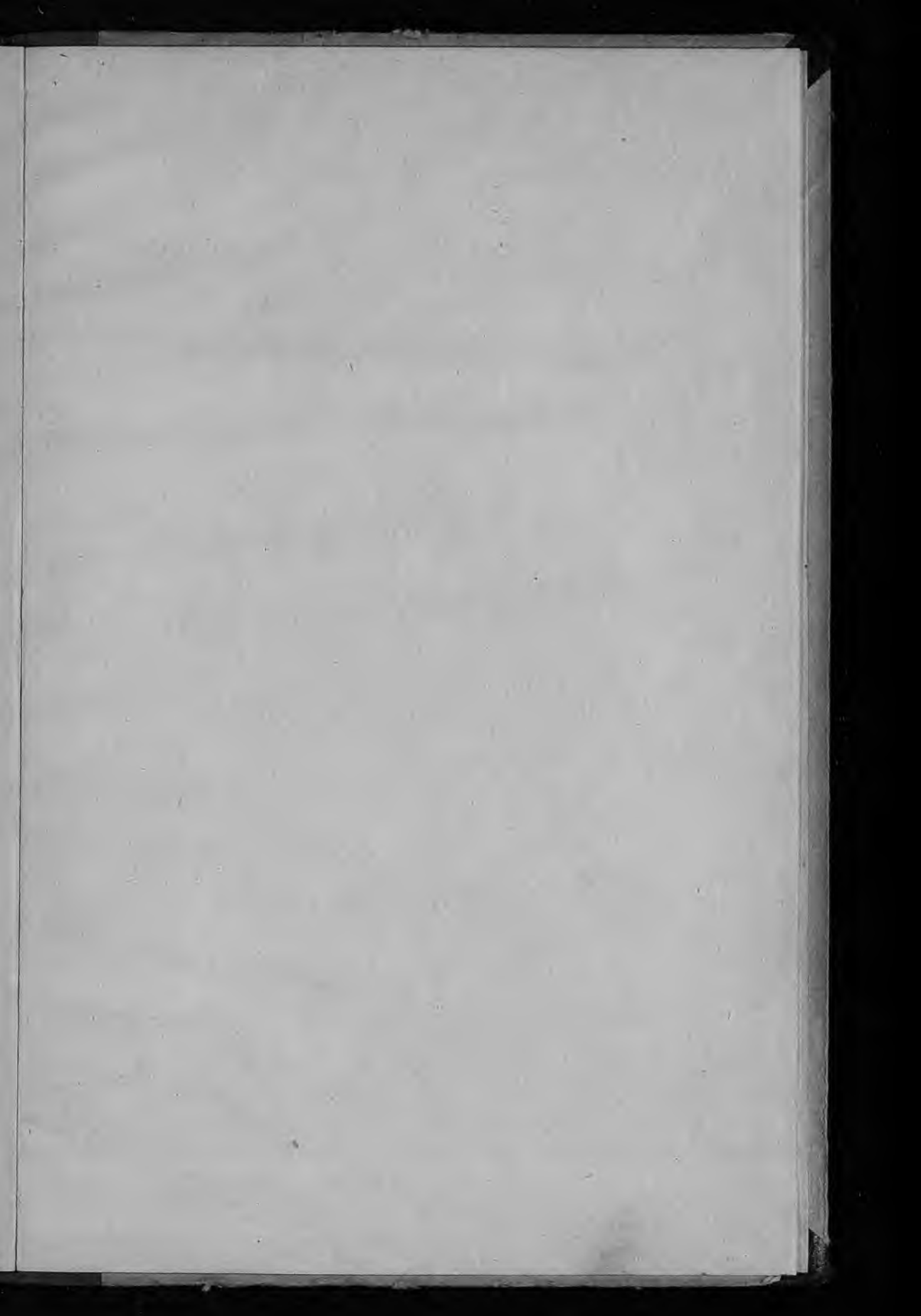
(*) Нѣкоторые будутъ удивлены такимъ предложеніемъ, но они забываютъ, что само Евангеліе есть тоже нравственная философія извѣстная мудрость, которая вовсе недоступна большинству въ силу своего величія, а потому и требующей даже своей философской подготовки, а безъ нея Евангеліе уже не можетъ быть воспринято, ибо много уже образовалось ложныхъ наслоеній, которыя нужно предварительно разбить, сдѣлавъ черезъ то подготовительную работу для болѣе легкаго усвоенія Евангельскаго ученія. Уже одинъ матеріализмъ и утилитаризмъ и др. измы, застилающіе путь къ Евангелію, требуютъ уже предварительной философской работы, чтобы прояснить путь къ нему.

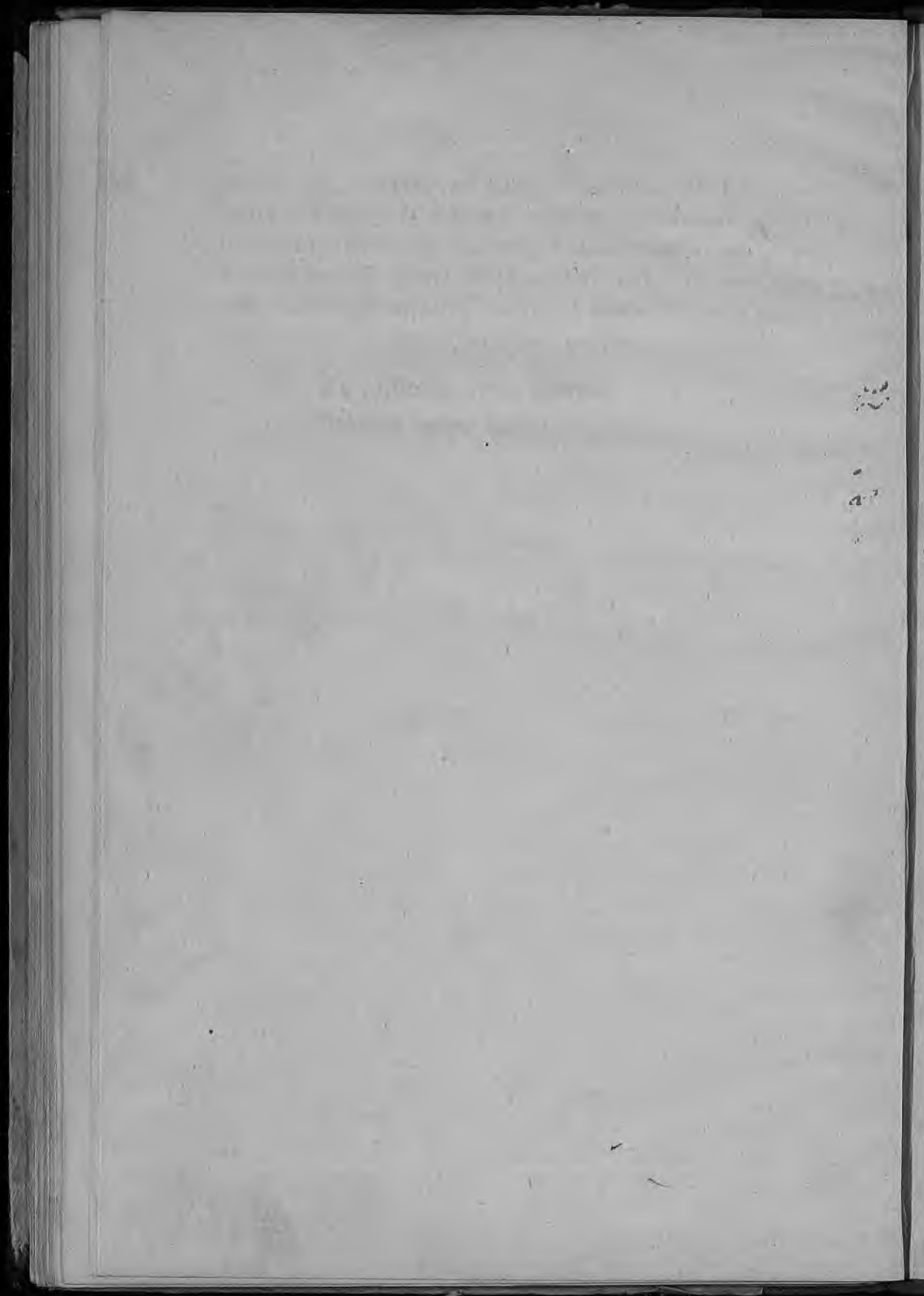
или через нерадѣніе къ этому великому, то.....
...Но, нѣтъ, быть не можетъ чтобы мы были такъ нерадивы! Мы глубоко вѣримъ въ достоинство и искренность русской интеллигенціи, мы знаемъ, что она откликнется на это дорогое и великое дѣло нравственнаго оздоровленія любимой родины. Я знаю, она вложитъ добрыя чувства въ сокровищницу человѣческихъ и божескихъ истинъ, и они, какъ плодотворныя зерна добра, принесутъ свой драгоцѣнный плодъ сторицею.

И потому мы обращаемся съ надеждой къ вамъ, братья. Не теряйте вы случая сплотиться духовною ратью на освобожденіе нашей родины отъ налегающей на нее кругомъ тьмы невѣжества, разъединенности, ненависти, партійности, злобы и убійства. Спѣшите помочь себѣ и народу, ибо часто утерянный мигъ смѣлаго нравственнаго подвига за братьевъ своихъ можетъ навѣки оставить черное пятно на вашей совѣсти. Берегите же, дорогіе братья, священный даръ вашего сердца, не тушите яркаго пламени вашей души, ибо въ старости и на краю могилы люди васъ осудятъ и негдѣ будетъ преклонить ваше печальное, отягченное мрачными думами, чело. Сердце же ваше омрачится безъ священнаго огня, и не согрѣтъ ему ужъ больше вашихъ печальныхъ сиротливыхъ дней гаснущей жизни, и наступитъ безмолвный сумракъ кругомъ, застынетъ сердце, окончатся умъ. Спѣшите же скорѣе вернуть себѣ святость души, радость нравственнаго возрожденія и вы найдете утерянный идеалъ вашего сердца. Идите смѣло въ путь, реформируйте, возрождайте жизнь свою и людей, хотя бы пришлось потратить полъ

жизни на страданіе, на горе, обиды и слезы; но страданія эти будутъ дороже вашего трусливаго покоя и растительнаго прозябанія, приковавшаго насъ къ гнилой почвѣ суеты, безъ яркаго свѣта истины святой, безъ лучезарнаго восторга правдой, безъ упоенія добромъ и безъ умиленія любви.

Въ добрый путь, братья,
Помоги вамъ Богъ!

Число 382.

ХРИ

И

ОЧЕРИ

РАВЕР

Цѣна 35 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ В. М. ЯМГОЛЬСКОЙ
въ НИКОПОЛѢ, ЕКАТЕРИНОСЛАВОБ. ГГ.